

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)
[Все книги автора](#)
[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Николай Дмитриевич Гурьев

Страсти и их воплощение в соматических и нервно-психических болезнях

От издательства

В предлагаемой работе Н.Д. Гурьева «Страсти и греховные черты характера и их воплощение в соматических и нервно-психических заболеваниях», мы продолжаем разговор о соотношении душевного и телесного в человеке. Первая книга этой серии «Из дневника православного психиатра» вызвала большой резонанс. Хочется сердечно поблагодарить за письма и отклики наших читателей, особенно медиков и пастырей.

Церкви никогда не было безразлично как душевное, так и телесное здоровье человека. Она никогда не оставляла человека без своей заботы от рождения и до исхода из земной жизни.

Свидетельство тому — церковно-приходские школы для подрастающего поколения, старческие приюты, для людей практически израсходовавших свои жизненные силы. Даже для уже оставивших этот мир она вымаливает упокоение души в месте, откуда отбежит (отойдет) всякая болезнь, печаль и вздыхание.

Не отрицая медицину и не препятствуя ее развитию, Церковь, со своей стороны, воспитывала христианское отношение к болезни, которое наделяло людей силами для перенесения страданий. Но собственно лечением соматических болезней не занималась, хотя финансировала содержание больниц. Однако, исходя из Евангельского принципа, она предлагала искать прежде всего Царства Небесного, а все остальное, по слову Спасителя мира, прилагалось само собой. Любой человек мог обратиться к таинствам Исповеди, Евхаристии и Соборования, каждый мог прибегнуть к молитвам и молебнам о здравии как своим собственным, так и любого другого человека. В исключительных случаях, когда в ходе болезни явным образом проявлялось влияние сил демонических, использовались так называемые заклинательные молитвы.

Большинство лечебниц, находящихся на иждивении Церкви, располагалось при монастырях, но монахи больше ограничивались уходом за больными, в то время как лечение осуществлялось чаще всего не монахами и соответствовало состоянию медицинской науки своего времени.

Однако, особая позиция наблюдалась по отношению к людям, которые страдали душевными болезнями. В монастырях оказывалась действенная, практическая помощь тем, кого сейчас именуют душевнобольными. Зная о прямой зависимости душевного и телесного здоровья человека от правильных принципов устройства душевной жизни, основанных на Евангельских заповедях, старцы и духовники могли оказать действенную психотерапевтическую помощь приходящим к ним за советом и благословением людям, которых в современной медицинской терминологии принято называть «невротиками»

«социопатами,» «акцентуированными личностями» и т. д. Совершенно естественно, что душевным попечением занимались те, кто главной своей заботой считали здоровье души и располагали уникальными знаниями о самой душе, о том, как посредством грехов и страстных проявлений, она лишается психического равновесия и даже физического здоровья, о том, как этим грехам противостоять.

Замечательная традиция подлинного духовно-душевного врачевания проявлялась как священническая и монашеская помощь нуждающимся, страдающим, больным людям, или просто тем, кто не справился, психически надломился в борьбе с непростыми жизненными обстоятельствами. С течением времени она ушла из жизни России.

Сегодня, как нам думается, возникла не только возможность, но и потребность в объединении усилий и знаний священника, с одной стороны, и врача-психиатра — с другой, в объединении святоотеческого понимания человека и болезней его души с психиатрическим знанием симптоматики, возможностей психотерапии и психофармакологии, знаниями психоанализа (разумеется, в православном преломлении).

Основатель логотерапии, австрийский психоаналитик Виктор Франкл удивительно созвучен в своих суждениях с автором публикуемого материала. В одном из фундаментальных своих трудов он формулирует свою позицию в соотношении религиозного и медицинского служения:

«Жизнь есть задача. Религиозный человек отличается, по-видимому, от нерелигиозного человека переживанием своего существования не просто как задачи, но как миссии. Это означает, что он осознает как Личность Того, от Кого исходит эта задача, ему известен Источник его миссии. Тысячи лет этот источник назывался Богом.

Медицинское служение не претендует на то, чтобы быть замещением того лечения душ, которое практикуется священником. Каково же соотношение между психотерапией и религией? На мой взгляд, ответ очень простой: цель психотерапии — лечить душу, сделать ее здоровой; цель религии — нечто существенно отличающееся — спасти душу. Но замечателен побочный эффект религии — психогигиенический. Религия дает человеку духовный якорь спасения с таким чувством уверенности, которое он не может найти нигде больше.»

Дерзнем утверждать, что сама попытка говорить о проблемах психического здоровья человека в терминологии православной аскетики является важным свидетельством назревшего запроса современной церковной жизни. В этом направлении работают православные психотерапевты в разных клиниках нашей страны, но их усилия интуитивны, разрознены, цельная концепция не сформулирована.

Надеемся, что публикуемая работа поможет обогатить профессиональную осведомленность современного врача святоотеческими сведениями о страстях и грехах как разрушительных факторах, ведущих к болезни, методах их осознания и преодоления. Надеемся, что она поможет намечающемуся единению, будет способствовать единению в деле излечения человека не только психотерапевтами, но и с врачами других специальностей.

Издательство «Свет Православия,» с согласия автора, сочло возможным и целесообразным поместить совместно с материалом, печатаемым впервые, выдержки из его ранее вышедшей книги «О добре и зле»: главы «О страстях» и «О болезнях, здоровье и лечаших.»

Предисловие

Сразу же хочется предупредить читателя, что он не столкнется в этой работе с описанием «благородных» страстей или «жутких» поступков, совершенных под влиянием той или иной страсти.

Речь пойдет о том, что незаметно наполняет нашу жизнь и определяет течение: о грехах и добродетелях, об их влиянии на жизнь и здоровье человека.

На первый взгляд может показаться странным во время всеобщих бедствий, когда жить трудно, а для некоторых и непосильно, когда не хватает ни времени, ни сил на обеспечение житейских потребностей, разбираться в том, какие бывают грехи и к чему они ведут. Что от этого может измениться или улучшиться? — На первый взгляд только сам человек.

Но Бог непостижимым образом устраивает внешнюю жизнь человека в полном соответствии с его внутренним устройством. Узнав о грехе, человек может рассудить: что делает его жизнь хуже, а что содействует улучшению; в чем причина бед и скорбей личных, семейных, общественных. Человек сможет целеустремленно, последовательно, с терпением (не путать с терпимостью!) противостоять злу. А всякий, отстаивающий правду, имеет своим помощником Бога, и «если Бог за нас — кто против нас?» Но, если бы изменились люди — изменились бы и внешние условия их жизни. Если бы...

Всякое зло измеряется не самостоятельно, а величиной добра, которое злом отвергается. Отпадение России от безмерности Православия, можно определить не иначе как «беспределом.» Беспредельно далеко не исчерпавшее все свои возможности, продолжающее нарастать зло, проявления которого каждый может видеть вокруг себя и, видя, убедиться в разрушительном воздействии греха не только на отдельного человека, но и на все общество в целом. Улучшений ждать, к сожалению, не приходится, потому что правят нашей страной или еще только рвутся к власти люди, не приемлющие Православия. А Православие и Россия связаны настолько неразрывно, что враждебно относящийся к Православию не может не относиться враждебно и к России, и к русским, со всеми вытекающими из этого последствиями. Однако в большинстве своем, люди не хотят обращаться к высшему, и поэтому Россию безудержно и безнаказанно скидывают вниз.

Настоящая работа написана с позиций православной нравственности и адресована православным (или хотя бы сохранившим остатки христианского мировоззрения) людям любой национальности, а также к русским, в которых православное отношение к себе и окружающему вольно или невольно сформировано их не до конца разрушенным бытом и которым не чужда православная нравственность.

Обращаю на это внимание потому, что универсальной нравственности не существует, ибо именно нравственность единит людей или отчуждает их друг от друга. Тем, кто причисляет нравственность к «общечеловеческим ценностям,» хочется напомнить, что для японца совершить в определенных обстоятельствах самоубийство — дело чести, а для православного — всегда погубление души; что для иудея отдать деньги в рост под бешеные проценты — причина для радости, а для русского — причина для исповеди и раскаяния ради получения прощения в этом тяжком грехе; у индейцев (да и у белых американцев) о воинской доблести свидетельствовали скальпы, снимаемые даже с живых людей, а у русских в тот же исторический период и о доблести свидетельствовало прощение побежденных и забота о раненных и пленных.

Таким образом, есть все основания считать, что «общечеловеческое» ограничивается анатомией и физиологией, а во всем остальном тот, кто не исповедует христианство, не обладает христианским духом — непременно является носителем духа антихристианского. Это можно сказать и об иноверцах и, тем более, об атеистах и экуменистах, которые являются прямыми предтечами Антихриста, ибо уже делают то, что, в свое время, сделает и он сам: отвергают всех богов.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что обращаться за помощью к атеистам или иноверцам православным людям следует с осторожностью, учитывая чуждость их духа — духу христианскому. Раньше Церковь ограждала православных от возможной опасности такого обращения своими соборными правилами, запрещая обращаться к гадалкам, волхвам, чародеям, звездочетам и врачам-иудеям. Но сейчас правила забываются и пренебрегаются. Увеличивается опасность вторжения в душу и воздействия на нее того, что чуждо и губительно для души христианина.

Поэтому хочется напомнить, что, даже при лечении телесных болезней, по поводу рекомендаций врача, касающихся психики человека, желателен совет священника, а при разрешении душевных и духовных вопросов такой совет просто необходим.

О путях возникновения, формирования и роста болезней

Во всем мире люди болеют, страдают и умирают. Во всем мире все ищут выздоровления, в том числе православные люди. И во всем мире люди не очень хотят, мягко выражаясь, признать, что причина их заболеваний в них самих, в их греховных расположениях, хотя об этом ясно и многократно говорится в Священном Писании. Мне могут возразить, что болезни свойственны и святым и ведут к стяжанию венцов, что иногда они попускаются по особому промыслу Божию, с учетом жизненного пути человека, на котором болезни помешают ему реализовать свои греховные наклонности или послужат обнаружению Божьего всемогущества и милости, а также искуплению прегрешений и облегчению загробной участи ибо дважды за одно не наказывают. Эти возражения, как правило, имеют целью не поиск истины, а лишь обнаруживают эрудиции возражающих.

Для чего посылаются болезни тому или иному человеку? Очевидно, что если человек переносит их с радостью — то для награды; если задумается — то для вразумления, а если тяготится — то для наказания. Особенные случаи промыслительного заболевания я не рассматриваю, ибо святые отцы считают, что особенное, необычное не может быть общим правилом.

Что касается детских болезней, то о причинах их возникновения следует говорить отдельно: с одной стороны дети сами по себе безгрешны и даже не ходят на исповедь до достижения сознательного возраста, а с другой стороны, за грехи родителей воздается до третьего поколения. Означает ли это, что один человек наказывается за преступление другого? Отнюдь нет. Дети страдают не за то, а потому что их родители повредили свои душу и тело грехом, и это поврежденное состояние родителей сказалось на формировании и развитии детей.

Иллюстрацией этого может служить то, что происходит с детьми алкоголиков: не по воле врача дети становятся инвалидами, и не за то, а вследствие того, что родители не соблюдали советов врачей. В Священном Писании говорится о воздаянии потомкам, но не в виде угрозы, а предупреждения, в надежде, что напоминание о болезнях детей хотя бы приостановит рост родительской греховности.

Помимо рождения уже больных детей, родители обязательно передают потомству черты своих характеров, как положительные, так и отрицательные; последние, по мере своего роста, могут в дальнейшем привести к заболеваниям.

Но бывает, что болезнь вызывается не ростом греха в развивающемся ребенке, а в результате непосредственного эмоционально-нравственного влияния родительских грехов, которое осуществляется помимо воли родителей и независимо от нее и начинает сказываться на ребенке еще в период внутриутробного развития. Любые постоянные душевные качества родителей и их временные настроения оказывают влияние на формирование ребенка, оставляя след в его душе; и таким образом действуют качества не только родителей, но и всякого близкого человека.

Но что такое «настроение»? Всего лишь настрой на определенное качество. Происходит это приблизительно так же, как настройка музыкального инструмента или приемника на определенную длину волны. Человек, подобно камертону, отзывается, проявляет эмоциональную заинтересованность в том качестве, на которое настроен, и изыскивает причины для его активности как во внешних обстоятельствах, так и внутри собственной души.

Настраиваются же обычно на то, что по каким-либо причинам приятно, что «по нраву» человеку. Более или менее постоянные настроения формируют характер, который, в конечном счете, тоже, оказывается зависимым от того, что «по нраву» — от нравственности.

Казалось бы, что поделаешь с настроениями или с характером? Но любое настроение всегда во власти человека, в его произволении: всякий может настроиться на гневливость, спорливость, хвастливость, точно так же и на послушание, храбрость, скромность. Святые отцы прямо говорят о том, что в своем поведении и даже в мыслях человек приобретает навык либо добра либо зла. Любой взрослый человек волен увлекаться чужими и чуждыми настроениями, может и противостоять им. Ребенок беззащитен не только перед настроениями, качествами и поведением своих родных или посторонних людей, но даже и перед той безликой мерзостью, которая изливается на него с экранов телевизоров и запечатлевается в его душе.

Во всех случаях человек страдающий ищет избавления от страданий. Причину болезни и страданий легче всего можно отыскать, если знаешь принципиальное устройство человека, а способ лечения — если известно, что в окружении человека способствует, а что препятствует выздоровлению.

Православная Церковь всему этому учит, и для православного естественно обратиться в поисках ответа на свои вопросы и в поисках помощи именно к ее многовековому опыту.

Человек состоит из души и тела. Душа для своей деятельности располагает желательной, мыслительной и раздражительной силами, а подчиненное душе тело — физическими силами и органами чувств. Назначение человека до грехопадения прародителей — радость и счастье, после воплощения Иисуса Христа — служение Богу через выполнение Его заповедей. После исхода из земной жизни человека ожидает или Царствие Небесное, уготованное праведникам прежде сложения мира, или уготованное диаволу и аггелам его место вечных мучений, в зависимости от плодов земной жизни человека. Плоды жизни оцениваются как по делам, так и, в значительно большей степени, по расположению сердца человека. Последнее особо важно отметить, ибо очень часто в наши дни можно видеть совершение внешне добрых дел при полном отсутствии должного внутреннего расположения. К примеру то, что принято считать благотворительностью, может совершаться и по тщеславию, и по корысти (для уклонения от налогов), а непротивостояние злу, «всепрощение» может иметь в своей основе не смирение, а обыкновенную трусость.

Любое душевное качество, положительное или отрицательное (отрицающее соответствующую добродетель), воплощается, обретает плоть в поведении человека. Святые отцы говорят, что запечатленное в душе ищет воплощения во внешнем. В какие душевные качества и стереотипы поведения воплотится внедряемое в юношески восприимчивые души то, что предлагают современные теле- и видеопрограммы — страшно даже представить. Еще в древности говорили, что учение (чему угодно) в молодости — это резьба на камне, а учение (или переучивание) в старости — рисунок на песке.

Но, как бы там ни было, получается, что любые действия можно охарактеризовать с самых разных точек зрения, зачастую взаимно исключаящих друг друга. Единственная налицо верная оценка, помимо всех прочих, — нравственная оценка рассматриваемого поступка. Любым и каждым своим поступком человек совершает (сознательно или несознательно) служение положительному или отрицательному нравственному качеству, которое действует желательной силой души. Будь это желание (направление желательной силы души к внешнему), произволение (направление той же силы к тому, что представляется правильным, а не к чему оно влечется привычно — самопроизвольно) или потребность (что предполагает наличие дающего потребное при нахождении желательной силы внутри сердца), — в любом случае имеет место определяющая роль нравственности, нравственных качеств, которые можно смело считать мотивом любого поведения. Правда, не в лабораторных условиях, а в реальной жизни отмечаются и борьба, и сомнения. Человек почти всегда пытается из различных вариантов поведения выбрать субъективно оптимальный, и он всегда и безусловно свободен в своем выборе. Но выбор непрост: здесь и борьба грехов за пальму первенства между собой, которую люди воспринимают, как борьбу с

грехами, здесь и противостояние грехов и добродетелей, здесь имеет значение и выраженность, как грехов, так и добродетелей и многое другое.

Грехи не бывают «одной силы». Рост их власти (чем и определяется сила) над человеком наиболее кратко и исчерпывающе показан у преп. Филофея Синайского. Он говорит: «Наперед бывает прилог (приражение, действие, когда брошенная вещь ударяет в то, на что брошена); потом сочетание (сдвоение: внимание сковано предметом, так что только и есть душа да предмет, приразившийся и ее занявший); далее сосложение (предмет, приразившийся и внимание занявший, возбудил желание и душа согласилась на то — сложилась); за сим пленение (предмет взял в плен душу, возжелавшую его и, как рабу связанную, ведет к делу); наконец страсть (болезнь души), частым повторением (удовлетворением одного и того же желания) и привычкой (к делам своим оно удовлетворяется) ставшей чертой характера». Добродетели растут по иным законам, поскольку для их возрастания потребен труд и милость Божия.

Не мотивированных нравственностью, «бездумных» поступков просто не бывает, и даже когда создается такое впечатление, оно ошибочно. Например, юноша гуляет с девушкой или товарищем по парку, к ним подходит посторонний человек и просит прикурить, а в ответ получает удар в челюсть. Первая реакция: «Простите, я не подумал!» Т. е., думал, да и не один раз, как будет защищать друзей или подругу от хулиганов, которые попросят прикурить. И давно обдуманная мысль мгновенно пронеслась по накатанным рельсам и привела к имеющемуся в мыслях результату. Главное здесь то, что мысль эта вдохновлялась опять-таки нравственно-душевными качествами.

Часто низменные побуждения пытаются проявиться вовне, минуя контроль сознания. Это им удастся, но несомненно то что внутренне, украдкой, сознание соглашается с ними, и, как бы не обращая внимания, все сваливает в «подвал подсознания.»

Конечно, мотив легче возобладает, если качество на уровне страсти, а не на уровне сосложения, но в любом случае мотивами наших поступков являются наши же нравственные качества.

Дополнительные сложности в решении данного вопроса вносит происхождение качеств: то ли они получены в период внутриутробного развития и входят в ядро личности, в то самое пресловутое «Я», то ли являются приобретенными личностью в процессе ее жизнедеятельности. Последние легче поддаются исправлению, а первые, имея «фоновый» характер, с большим трудом распознаются, тем более при распространенной ныне материалистической ориентации даже «духовных лиц».

Допустим, что человек согрешил. Чем? Душой или телом? В первую очередь, разумеется, душой, а затем греховные расположения души воплотились. Телесной болезни еще нет, ибо тело инертно и обладает колоссальным запасом прочности (устойчивости к повреждающим факторам), а психопатология уже имеется, хотя и не ощущаемая вначале больным и не замечаемая близкими.

Приятно ли ощущение боли, хорошо ли ее испытывать? Очевидно — нет. Но боль необходима, так как дает сигнал о повреждении тела, об опасности.

Хорошо ли испытывать страх (тревогу, ужас)? Нет, но тревога информирует о наличии опасности душевной, о повреждающем душу факторе, который сам по себе еще не вырос настолько, что его можно видеть невооруженным глазом. Это — предупреждение о том, что в душе не все в порядке.

То же значение имеют и другие обязательные эмоциональные последствия греха: напряжение, стыд и т. д. В принципе, этими состояниями могли бы заниматься психиатры, да они и занимаются: назначают успокаивающие, нейролептики, барбитураты, и затемнив первые проявления болезни, дают ей возможность пройти незаметно доклинический период развития и потом, заявить о себе во весь голос. Вообще-то, гораздо лучше было бы, если бы этим вопросом занимался священник, пользуясь знаниями, которые оставили для нас Святые Отцы. А они, в тех случаях, когда не знали как поступить, какая мысль правильна, советовали посмотреть на свое же эмоциональное состояние при обращении к одной мысли,

потом — к другой, и посчитать греховной именно ту мысль, которая сопровождалась тревогой, сомнениями, приподнятостью, как бы ни казалась она хороша. «Не слушай бесов (т. е. не принимай их внушений), даже когда они говорят тебе о посте и молитве» — советовали святые отцы, свидетельствуя, что демонические силы могут прикрываться для погубления человека в мысленной брани благими целями и мотивами.

Найти общий язык с психиатрами при обсуждении духовных вопросов весьма трудно. Взять хотя бы истерию: во всех учебниках и научных трудах красной нитью проходит описание «театральности,» нарочитости поведения истерика, поиск зрительской оценки; иначе говоря — делание тех или иных дел напоказ. Но ведь эти проявления достаточно откровенно свидетельствуют о том, что святые отцы называют тщеславием и что является тяжелейшим грехом! А психиатры этого видеть не хотят (или не могут?), и даже архимандрит Киприан в своей работе «Пастырская Психиатрия» считает возможным заявить что «аскетике, в сущности, не интересуют: навязчивые идеи, фобии, неврастения, истерия и т. д.» Все им перечисленное — это либо прямые проявления греха, либо его последствия. Что же говорить о шизофрении, лечение которой психиатры считают своей прерогативой, хотя не имеют ни малейшего представления об ее этиологии, и крайне скудное — о патогенезе, ибо понимание их дается знанием духовных законов, а получаемое врачами образование — сугубо материалистично.

Кроме того, в психиатрии, мягко выражаясь, не поощряется психологизирование, под которым понимаются попытки логически обосновать и объяснить мысли, высказывания, поступки больного. Такой подход делает психиатрию чисто описательной наукой. занимающейся только симптоматикой, внешним проявлениям болезней, но не их причинами. Уже по одному этому надеяться на понимание данной наукой природы душевных болезней нет никаких оснований.

Общепризнанно, что для шизофреника его внутренний мир — ценность огромная настолько, что внешнее имеет гораздо меньшее значение: не внутреннее приводится в соответствие с объективной реальностью, а окружающее интерпретируется в направлении угодном миру внутреннему. Представления и мысли больного шизофренией более значительны для него, чем собственно реальность. Но ведь это — чистой воды мечтательность, через которую, по словам святых отцов, как через мостик, в душу проникает множество бесов!

Аутизм, столь типичный для поведения шизоида и шизофреника — это ведь всего-навсего усердно рекламируемая некоторыми психоаналитическими школами **самодостаточность**, доведенная до своих логических пределов.

Необычность мышления шизофреников, их вычурные манеры, при которых зрители не нужны вообще, прямо-таки кричат о том, что шизофреники считают себя людьми необычными, которых и походка, и мимика и жестикация должны отличать их от всех остальных хотя бы в собственных глазах (основание этому — своеволие).

Самомнение проявляется различно, но как ни странно, именно оно является причиной бредовых построений. При этом кажется естественным: если человек резко отличается от окружающих в лучшую сторону, в сторону превосходства, то его должны сопровождать явные поклонения и рукоплескания — или скрытые преследования, травля, сводящие на нет плоды успехов (мечтательных).

А самомнение естественно влечет за собой своеволие, как одно из необходимых качеств, составляющих шизофренический характер: мечтательность, своеволие, самомнение. Уберите хотя бы одно из означенных нравственных качеств, и от болезни останется только плохой характер.

Иногда приходится слышать, что психические болезни попускаются, якобы, «для пользы души.» Считаю, что о пользе душевного заболевания для человека после всего сказанного может говорить только тот, кто не имеет ни малейшего представления о сути болезни. А если принять катастрофическое влияние больного на окружающую среду: семью, работу, то говорить просто не о чем.

У невротика всегда обнаружится в характере заносчивость, частичная или тотальная, а полиморфность (многообразие) симптомов, как и при истерии, определяется точкой приложения, выраженностью греха и его сочетанием с другими качествами.

Об эпилепсии не говорю, поскольку ее причины лежат в так называемом «эпилептическом характере,» который настолько типичен, что диагноз эпилепсии может быть поставлен при течении болезни даже без судорог и не вызывать сомнения.

Остальные психические заболевания достаточно просты, если смотреть на них сквозь призму святоотеческого учения о грехах. И мучаются эти больные, чаще всего, не из-за факта греха или его последствий, а из-за невозможности согрешать сколько душе угодно.

Под силу ли разобраться во всем этом современному традиционному психиатру? Сомневаюсь.

Есть еще одна, уже объективная, причина, по которой хотелось бы видеть занимающимся душевнобольными людьми именно священника, и которую нужно иметь ввиду любому врачу. Об этом говорил митрополит Виталий (Устинов). Святые отцы настойчиво предупреждают: если пастырь (в нашем случае — врач) относится с любовью к врачуемому, то, по законам любви, он разделит с ним труд перенесения скорбей и болезней; если же с осуждением — то Господь попустит незадачливому пастырю (врачу) впасть в те же согрешения, дабы не превозносился. Помимо этого, если любой человек дерзнет обличать чьи-либо грехи, то возбуждающие эти грехи бесы нападут на него с удвоенной силой. В какой-то степени для священника, в зависимости от его собственного отношения, защитой от этой опасности является его сан.

Болезни могут врачеваться или человеческими, или Божественными или бесовскими силами. К бесовским прибегать недопустимо, к человеческим — иногда непосильно. Остается Божеское заступление через обращение к таинствам. Это то, что можно сказать о душевных болезнях, где имеет место сознательное или бессознательное рабство греху.

Соматически заболевания по своему развитию (патогенезу), существенно отличаются от болезней, имеющих исключительно душевную природу, вызывая объективные страдания, являющиеся следствием греха. Безропотное перенесение этих страданий можно рассматривать как воздаяние за грех во времени, устраняющее нужду в воздаянии за то же в вечности. Ввиду этого, потребно обнаружение греха (грехов), вызвавшего (вызвавших) болезнь. И труды покаяния, и собственно грех должны быть определены достаточно точно, ибо сколько ни кайся в трусости, опасливость не уменьшится, а разрешается на исповеди только исповеданный грех.

Соматические (телесные) болезни

Всякому известны состояния, возникающие в ситуациях опасных, радостных или просто небезразличных для человека.

Предвкушение свидания, очевидно подготавливаемое нападение, ожидание экзамена — все влечет за собой учащение дыхания и сердцебиение, но учащение дыхательных движений и частоты сердечных сокращений — это наименее дифференцированное проявление активизации организма. Во всех трех упомянутых случаях они могут быть одинаковыми, но готовность организма к функционированию ими не ограничивается. Она находит отражение в изменении биохимии практически всего организма, и эти изменения будут строго специфичны в каждом отдельном случае, и в тоже время не просто сходными, а практически одинаковыми у разных людей, если вызваны одной причиной. Специфически изменения в организме человека вызывает не только реальная ситуация, но и мысленное представление о ней, которое всегда бывает условно приятным: уклонение от опасности, торжество над врагом, совершение великих дел... На всякое представление тело послушно приводит в готовность свои специфические ресурсы, реагирует одинаково и с качественно одинаковым результатом.

Возможно, сказанное покажется несколько непривычным. Но ведь никого не удивляют одинаковые мимика и жесты у людей разных, но пребывающих в одинаковом эмоциональном состоянии. При этом видимые мимика и жесты настолько специфичны для того или иного качества, что их видимое наличие легко позволяет различать невидимые глазом эмоциональные состояния и черты характера. Так, например, застенчивость часто проявляется тем, что человек ставит стопы ног при ходьбе носками внутрь, а склонный к самолюбованию — избыточно выворачивает их наружу; сосредоточенности, напряженности мысли сопутствуют вертикальные складки в центре лба, а горизонтальные складки на лбу говорят о эмоциональной напряженности. Скрещенные на груди руки («наполеоновская поза») обычны для людей самоуверенных, самонадеянных; склоненная набок голова, при нормальном зрении, может свидетельствовать о саможалении, а выпячивание вперед тазового пояса — о задиристости и т. д. Таких внешних признаков внутреннего состояния достаточно много.

Аналогичное положение и с болезнями: с одной стороны — болезни вызываются грехами, а с другой — сами болезни свидетельствуют о вызвавшем их грехе.

Конечно, вместить все разнообразие воздействия греха на тело в рамках небольшой брошюры не представляется возможным, но на некоторые формы болезнетворного взаимодействия тела и греха указать необходимо:

Ошибка, при которой начавшееся выполнение той или иной функции резко пресекается прежде ее завершения (бегун стартует на 100 метров и через 10 метров бьется в невидимую стеклянную стену). Подавление возникающих греховных действий протестов волевым усилием на любом этапе, в любом их звене с сохранением согласия на согрешение. Нарушение функций из-за переистощения, вызванного выполнением эмоционально запретных функций; обычно имеет спастический характер. Функциональное истощение одной из функциональных систем из-за постоянной перегрузки. Гипертрофия органа из-за нагрузок, превышающих физиологические возможности организма. Общее переистощение из-за постоянной длительной функциональной напряженности.

Вообще в соматизации болезни имеет место общий принцип, согласно которому заинтересованными оказываются те системы, чьи задачи во внутренней среде организма по своему характеру сходны с несовершенными (или незавершенными) действиями во внешней среде; те, которые активизируются одинаковыми преобладающими качествами. В соматизации воплощается то общее настроение души (настрой на какое-либо качество), которое необходимо для совершения того или иного поступка. Здесь имеет место, если можно так выразиться, не душевное настроение, а телесное настроение. Можно разозлить себя, настроившись на злость, на обиду и пр., но если они не проявляются вовне, они соматизируются.

Вот и получается что, грех бьет душу со всех сторон, а запутавшаяся и ослабевшая душа вольно или невольно заставляет мучиться и тело. Разорвать этот порочный, сплетенный бесами, круг было бы легко, если бы этому не противились сами больные, если бы в подавляющем большинстве случаев они не становились противниками врачу и союзниками бесам. Лучше всего позиция этих больных сформулировано алкоголиками:

— Ты, доктор, сделай, чтоб у меня голова не болела и печенка не разрушалась, а выпивать чтобы я мог сколько захочу. И будешь ты мне лучший друг и товарищ!

И вот, приходится такого упирающегося больного тянуть... Сильно потянешь — веревка оборвется, слабо — движения не будет. И приходится балансировать уже не столько между небом и землей, сколько между раем и адом.

Конечно, задача психотерапевта гораздо легче: если ему удастся уменьшить последствия греха или обезопасить загнивающее чисто внешними средствами — уже успех.

Но для больного гораздо лучше было бы, если бы с ним занимался священник, как обладающий духовным знанием. Конечно, никаким благословением или приказом человека духовным не сделаешь, но и далеко не все врачи имеют достаточные для своей работы знания и опыт, но чисто практически — священник полезнее для больного чем врач. Почему?

Психотерапевт в своей работе пользуется представлениями о душе ограниченным подходом, с одной стороны — материалистическим (материя первична), с другой — рассуждениями поврежденного грехом ума. При оценке терапевта больной выступает как жертва безликой болезни, причины которой не всегда ясны и лечение зависит от опыта врача, а при духовно-нравственной оценке болезни, — причины, во-первых, определены, во-вторых, находятся во власти человека. Надежда на лекарства заменяется надеждой на милость Божию; впрочем, полезность лекарств никто не отрицает, они выполняют роль костылей для учащегося ходить, которые помогают, но сами по себе ходьбе не учат. Общие разглагольствования психотерапевта и длительные психоаналитические сеансы заменяются исповедью конкретных грехов и раскаянием в них. Самостоятельные и самонадеянные попытки собственным разумом переиграть бесов на их же (мысленной) территории, заменяются надеждой на помощь Божию и заступление.

Административно определять объем пастырской или врачебной помощи больному нецелесообразно, т. к. она может проникать во все сферы жизни и деятельности больного. Это и указание на наличие болезни в ее доклинический период, это и указание на умолчание о грехах, приведших к болезни, во время исповеди, это и научение тому, что не грех постыден, а содружество с ним, желание оправдывать его, и многое другое, что зависит не столько от медицинской образованности пастырей и врачей, сколько от их внимания к больным, от их духовности. А духовность рукоположением не приобретешь и дипломом не оценишь.

Врач должен помогать. Но помощь — это содействие тому, кто действует сам, кто хоть что-то делает. Помощь не ограничивает свободу и волю человека. Так кто же я такой, чтобы заставлять человека делать что он не хочет? И у кого на это хватит сил?

В результате применения пастырем или врачом предлагаемой методики, больной приобретает возможность вернуть утраченное душевное и телесное здоровье, или обрести силы на благодушное перенесение болезни.

Хочется обратить внимание на то, что когда речь идет о возможности вернуть душевное здоровье, имеется ввиду именно возвращение того, чем обладал человек и что насилием, обманом или лестью похищено, того, чем сохраняется или возвращается здоровье души: добродетелей, положительных нравственных качеств. И если исходить из того, что всякое зло — это отрицание наличествующего добра, то, значит, любой согрешающий человек изначально имел потенциал добродетелей, которых лишился, но без наличия которых просто не мог бы сформироваться ни один грех. Таким образом, получается, что скупость — это отрицание щедрости, блудливость — целомудрия, тщеславие — скромности. Но добродетели грехом хотя и отрицаются, но не уничтожаются, а извращаются, и грех действует, паразитируя на силах добродетелей, придавая им противоестественное направление.

И глядя на отъявленного мерзавца, можно безо всякой иронии поражаться тому, какими великими добродетелями одарил его Создатель изначально; видя уродство душевное, можно лишь предполагать, насколько прекрасной была создана данная душа, и как много у нее отняли.

Пребывать в греховном, по выражению святых отцов, «нижеестественном» состоянии или противостоять ему — дело произволения человека, которое состоит не в бухгалтерском перечислении греховных поступков на исповеди, а в изменении отношения к греховным мыслям, желаниям и поступкам. Святые отцы учат, что это доступный и посильный всем путь обретения первозданной красоты и здоровья души, и до конца своей земной жизни человек не лишен возможности встать на этот путь.

О грехе

При всем разнообразии грехов, вне зависимости от их приложения в жизни и положения на древе греха, для их совершения необходимо наличие греховности. Греховность

— это возникшее при совершении первородного греха нашими прародителями и ставшее привычным обращением внимания и желания к внешнему. Чем большей желательной и мыслительной силами одарена при создании душа человека, тем более напряженной будет и его греховность, и тем больше вероятность совершения человеком конкретных грехов. Соотношение общей греховности и конкретного греха можно уподобить соотношению между давлением жидкости в трубе и ее прорывами в слабых местах: такой прорыв более вероятен при высоком давлении и совершенно невозможен, если давления нет. Понимание этого отразилось в поговорке «Где тонко, там и рвется.» «Починка трубы» в данном конкретном месте не устраняет возможность аварии, пока сохраняется давление. Точно так же человек, чья греховность воплощалась в чревоугодии, может «починить» трубу и ограничить прием пищи, но тогда греховность «прорвет трубу» раздражительностью, жадностью, а «починка» в этих местах «прорвет ту же самую трубу» тщеславием, самолюбованием и проч. Так будет продолжаться, пока греховность наличествует.

Человек, для которого нравственные ценности являются первостепенными, разумеется, тоже обращает внимание на внешнее, но только как на средство выполнения им заповедей. Он не устремляется к внешнему с вожделением и протестом, а с терпением принимает окружающее. Для всех остальных внешнее, или какая-то его часть, является самостоятельной и окончательной целью. В связи с тем, что эти люди действуют без учета нравственной ценности своих поступков, поступки закономерно оказываются безнравственными (в положительном значении этого слова, т. е. зло- а не благодетельными).

Всякий человек состоит из души и тела, которым душа пользуется для достижения желаемого или потребного. Различие в природе души и тела, разумеется, влечет за собой различие в том, что потребно для их существования, здоровья и жизни. Материальное тело, естественно, стремится к материальному миру, который необходим только для поддержания его существования, а душа, также естественно, стремится к духовным ценностям, которые необходимы для поддержания ее жизни, точно также и пища и питье — для поддержания жизни телесной. По устройству телесному человек весьма близок к бессловесным существам, а по устройству душевному резко отличается от них не столько наличием интеллекта, сколько способностью различать добро и зло. Поэтому справедливо говорить, что человек, круг интересов которого ограничен удовлетворением физиологических потребностей, живет животной жизнью, как животное, как скотина. К физиологическим потребностям относятся не только потребность в пище, питье и воспроизведении, но и потребность видеть, слышать, обонять, осязать и ощущать свое собственное тело. Но телесные ощущения не способны насытить душу и само стремление к ним об этом свидетельствует, ибо сытый человек не ищет пищи. Поэтому желание сделать эти ощущения более тонкими и разнообразными при помощи искусства свидетельствует не о наличии духовных интересов и не о богатой душевной жизни, а о желании сделать более утонченными, эстетическими животные потребности. Именно удовлетворению животных, а не душевных потребностей и служат современные телевидение, кино, театр, живопись и литература. Удовлетворение потребностей и услаждение этим удовлетворением свойственно не только человеку, но и любому животному. Человеку свойственно во внешнем мире стремиться к тому, что впечатлевается в его душе через органы чувств его же вниманием и желанием, ему всегда свойственно воплощать в жизни свое внутреннее расположение.

Таким образом, можно сказать, что всякий грех является воплощением греховности, воплощением устремленности желаний и внимания человека ко внешнему. Будучи направлен на внешнее и во внешнее, всякий грех представляет из себе ту или иную форму самоутверждения человека в окружающем мире, способ расширения границ своего влияния и возможностей. На границе между сферой влияния человека и остальным миром обычно возникают неприятные, ему неподвластные ситуации, возникают конфликты. Расширение сферы влияния позволяет включить в нее конфликтные зоны, разрешить возникшие конфликты. Но при расширении сферы личного влияния увеличивается протяженность ее границ и неизбежно возрастает число возникающих конфликтов. Поскольку такое

«расширение» используется для получения приятных ощущений, постольку вредность греха не сразу делается очевидной. Святые отцы говорят, что всякий грех либо льстит душе, либо ласкает тело; что всякий грех сладок и приятен, а плоды его горьки, отвратительны и непереносимы. При совершении любых поступков человек руководствуется либо нравственными соображениями и ищет душевной пользы, либо, условно говоря, пренебрегает нравственностью. Условно — только потому, что его поведение все равно определяется нравственными качествами, но отрицательными (ложь, жадность, хвастливость и т. д.). При этом он как в одном, так и в другом случае, приобретает навык в совершении определенных поступков, они делаются для него привычными.

При безнравственном поведении осуществляется рост греха. Этот рост проходит три основные ступени. Первая ступень характеризуется соразмерностью поведения человека и причиной, которой оно вызвано (сильно обидели — сильно обиделся, слегка обидели — слегка обиделся). А на второй ступени соразмерность исчезает (сильно обидели — сильно обиделся, слегка обидели — а обиделся все равно сильно). На третьей ступени, когда грех возрастает до уровня страсти и поработывает себе человека, обидчик уже не нужен — человек сам упорно ищет и находит на что обидеться, чем похвастаться, на чем сорвать злость, по какому поводу напиться и т. д.

В связи с тем, что в природе человека заложено свойство склоняться к добру, многие люди, приверженные к тем или иным грехам, пытаются доказать, что в грехе нет ничего плохого, поскольку признав его худость, они уже не смогут бездумно рабствовать (ему) греху. Другие люди просто отмечают в себе наличие греха, желая его не видеть и не противостоять ему. Как правило, это относится к тем грехам, которые сделались настолько обычными для человека, что им уже не замечаются. Поэтому отрицание человеком какого-либо греха в себе рассматривалось Святыми отцами как неоспоримое свидетельство наличия и выраженности в нем именно отрицаемого им греха. Оправдывая свои грехи, люди часто ссылаются на их естественность и, следовательно, узаконенность согрешений. Несостоятельность такого утверждения делается очевидной даже при самом поверхностном рассмотрении того действия, которое оказывает грех на душу человека, на человека в целом. Например, обидчивость сопровождается эмоциональным состоянием, которое характеризуется зависимостью, напряженностью, смущением, сомнениями, стыдом и страхом. Но этот же эмоциональный фон сопутствует и трусости, и хвастливости, и жадности, и всякому другому греху. Вызывается это эмоциональное состояние только у тех людей, у которых естественная душевная чувствительность не притуплена грехом, у которых душа сохранила способность ощущать и, следовательно, сохранила еще жизнь, ибо все живое ощущает, а теряет эту способность — умершее. Очерченное эмоциональное состояние можно обозначить одним словом — дискомфорт. Выраженный дискомфорт можно обозначить словом «боль,» длящуюся боль — словом «болезнь.» А завершение болезни — смерть, если не наступает выздоровления. И хотя речь идет о грехе, считаю своевременным и уместным отметить, что уход от смерти — болезни — боли — дискомфорта — греха возможен только через приобщение добродетелям, которые животворят, и каждая из которых приносит ощущение радости, счастья, спокойствия, уверенности, ясности, тихости, справедливости; каждая из которых имеет свое начало в любви и является формой самоограничения (служения).

Поскольку тело подчинено душе, постольку душевное состояние отражается на жизнедеятельности тела, оказывает влияние на происходящие в теле процессы, и, в случае нарушения телесной деятельности, рано или поздно приводит к телесным болезням. Чаще всего к таким повреждениям (заболеваниям) приводят те грехи, требованиям которых человек не удовлетворяет или которые проявляет не так часто и не в том объеме, как ему хотелось бы.

То, что естественно для какого-либо живого существа, не может вредить ему: рыбам не вредит пребывание в воде, кактусам не вредит отсутствие избыточной влаги, а камышу — постоянное пребывание в болоте. Поэтому, если бы грех был естественным для человека, то не приносил бы ему ни болезней, ни неприятностей. Привыкшему удовлетворять грехи

человеку легче удостовериться в пагубности греха, наблюдая не за собой, а за другими людьми, и с большими трудностями, но уже при наблюдении за самим собой. Всем известно, какие мучения, проистекающие не от трезвости, а от неудовлетворенного пьянства испытывает алкоголик. Но подобные же мучения приносят человеку и неудовлетворенные: блудливость, чревоугодие, хвастливость, самолюбование, жадность и прочее.

Зависимость страстного человека от возможности удовлетворять преобладающую страсть, весьма вероятно, принимает участие в формировании адских мучений, ибо лишенная тела душа, порабощенная при земной жизни грехом, испытывает мучения из-за страстей, которые уже невозможно удовлетворить прямо или хоть чем-то компенсировать. Эти мучения, по-видимому, и в этой жизни, и в загробной нельзя объяснить мучениями стыда или совести, т. к. и стыдливость и совесть являются качествами положительными и по природе своей доставляют человеку мучений не могут так же, как не могут мучить человека доброта, вежливость, терпение и другие добродетели. Нельзя также считать, что причиной возникновения и роста греха являются окружающие человека вещи и явления, ибо практически все, что окружает человека, не является плохим само по себе. Даже о вещах, которые общепринято считаются причиной греха, Святые отцы говорят, что нет плохого ни в вине, ни в женщинах, ни в деньгах, а что плохо злоупотребление ими. При этом, само собой разумеется, что благоупотребление не является ни греховным, ни предосудительным. В то же время все, что традиционно считается хорошим, т. е. поступки или вещи, делаются плохими, если совершаются или употребляются незаконно, неуместно, несвоевременно или непосильно. Святые отцы прямо говорят, что все хорошее, если оно не к месту, не ко времени, или непосильное — от сатаны. Всякий грех является качеством отрицательным. Законность и обоснованность такого наименования обусловлены тем, что несмотря на видимую распространенность, грех не существует сам по себе. Он существует только как отрицание какой-то добродетели, как отрицание положительного качества. И действительно, солгать о чем-то человек может, только если ему известна правда и если он отрицает правдивость. Точно также скупость является отрицанием щедрости, если человек имеет физическую возможность быть щедрым, но бедняк, готовый помочь и отказывающийся в подавании, т. к. не имеет просимого, не может быть обвинен в скупости.

Из этой природы греха проистекает странный на первый взгляд вывод: чем больше грехов у человека, и чем в большей степени они выражены, тем более душа человеческая при создании была одарена добродетелями, которые отвергаются, отрицаются грешащим человеком. Как естественное благонравие толкает неразборчивого человека на оправдание греха, так и противоестественное злонравие обнаруживается тем, что человек борется с грехом. Не будет человек безразличным к выпивке прикладывая усилия, чтобы удержаться от нее, нет нужды свободному от болтливости удерживаться от многословия; скромный избавлен от необходимости бороться с желанием привлечь к себе внимание. И, говоря в общем, каждый человек, не склонный ко греху, не имеет нужды ему противостоять, ибо нелепо воевать с тем, чего нет, с отсутствующим противником. Поэтому необходимость для каждого человека противостоять греху, прежде всего, свидетельствует о его греховности, о его худости, от которой не свободен ни один человек, поэтому человек, утверждающий, что он успешно борется с грехом, что он не согрешает делами и потому считающий себя благонравным, добродетельным глубоко заблуждается. Святые отцы говорили, что чревоугодник осуждается безусловно, но что точно также осуждается тот, кто не чревоугодничает (по каким-либо причинам) и сожалеет о невозможности чревоугодничать.

Каждый человек наделен способностью ощущать соразмерность между своими делами, заслугами, достоинствами с одной стороны, и воздаянием за них — с другой. Соразмерность эта не нарушается практически ни одним человеком, потому что ее нарушение влечет за собой душевный дискомфорт, тягостный (или трудный) для человека. Поэтому человек во внешнем мире всегда претендует только на то, на что считает себя имеющим право. Иллюзию такого права дает человеку гордость. Гордость — это первый грех, им согрешил Денница, когда, будучи тварью, решил обходиться без Творца, и счел себя самостоятельным

источником того, что ему желательно. Этот грех повлек за собой возникновение множества других грехов, которым сатана научил и которыми соблазнил значительную часть ангелов и наших прародителей. Грехи эти множились и ветвились. Именно по этому Святые отцы считают гордость стволем дерева (греха), от которого произрастают все остальные известные грехи. При рассмотрении древа греха делается понятным, почему один и тот же конкретный недолжный поступок может быть обусловлен различными отрицательными качествами (грехами). Все грехи соблазняют людей временной приятностью, и, обращая внимание к временному же, не позволяют увидеть вечные последствия согрешений. Но наиболее коварными можно считать в этом плане такие грехи как терпимость, выдержку и самооправдание. Выдержка не позволяет человеку увидеть его внутреннее греховное расположение, поскольку он обращает внимание на отсутствие греховных дел или поведение (внешнее). Самооправдание не позволяет человеку признать греховность своего поведения и попытаться выправить его (исповеданием и раскаянием). Терпимость же научает не отделению от греха и тем более не противостоянию греху, а учит согласию с ним, приспособлению к нему и получению от него материальных благ. Вообще же все грехи находятся в постоянной вражде друг с другом, также как и служащие им бесы. Эти бесы бывают согласны и соучаствуют друг другу только в одном: в погублении человека. И действительно, либо человек, находясь в гостях, будет чревоугодничать, либо тщеславиться своей воздержанностью; либо будет воровать из жадности, либо воздерживаться от воровства из трусости (добродетельные варианты не рассматриваются). В то же время, если человек произвольно обращается к служению какому-нибудь одному греху, то остальные бесы перестают ему докучать с тем, чтобы не отвлек от этого служения и не помешать душевному погублению человека. При этом чем сильнее бес, (или страсть), чем ближе она к гордости, тем меньше количество грехов может осмелиться оспаривать у нее свою власть над человеком. Вообще всякая власть греха возникает только в случае выполнения человеком внушения греха и его требований. Сохраняется эта власть только в том случае, если человек своими делами или словами подтверждает свое согласие с грехом и подчиненность ему. Подтверждаться это может безобидными словами: «Да, я жадный, трусливый и т. д.» При этом человек не замечает, что в этих словах заключается признание поработанности его грехом и единение с ним, а словами: «Есть я и есть нападающий на меня грех» человек отделяет от себя грех и противостоит ему и, разумеется, выражает свое отношение к нему.

Именно отношением ко греху и к собственной греховности формируется личность человека, его поведение, его принципиальная жизненная позиция. Если человек намерен признать свою греховность и противостоять греху, то он будет стараться узнать о грехах как можно больше, точно также, как всякий солдат старается больше узнать о своем противнике с тем, чтобы распознать, что из себя представляет противник и когда можно ожидать его нападения, и чем он располагает, и как лучше ему противостоять. Человек, желающий сохранить свою греховность, устремление к материальному, будет отрицать и Бога, и духовный мир. Если же он и признает духовный мир, то будет отрицать свою поврежденность грехом, поврежденность своих желаний, мыслей и будет утверждать, что он «хочет только хорошего.» Когда же он признает свою греховность, то он станет «стремиться к праведности,» «к праведным поступкам и делам.» Но дела и поступки совершаются во внешнем мире, таким образом человек достаточно надежно обосновывает и узаконивает свою греховность, свое стремление ко внешнему миру под тем или иным предлогом. Кроме того, необходимо иметь ввиду, что когда целью человека является «праведность,» он все свое внимание направить именно на ее поиски. При этом он сам в общении с подобострастными людьми оценивает свое поведение, не замечая при этом, что грешит «самоправедностью.» Раньше таких людей называли «самосвятами.» Многие люди не желают разбираться в том, что из себя представляет каждый отдельный грех и как он проявляется, считая достаточным свое «духовное чутье,» ощущение, забывая при этом о повреждении грехом человека в целом и «духовного чутья» в частности. Но тем самым они лишают себя возможности распознать грех в себе, в окружающих и правильно к нему отнестись. Так например, мало кто увидит

плохого в своем желании всех сделать счастливыми. Люди не заметят, что неудовлетворенность этого желания тягостна, и не вспомнят, что тяготит человека неудовлетворенный грех. Но разве во власти человека всех сделать счастливыми? Разве человек является источником блага? Нет. Это гордость заставляет человека считать себя источником всякого блага. Совершенно необязательно для проявления грехов высокий интеллект, или другие формы одаренности. Он может проявляться и в бытовом, и в трагическом, и в комедийном обрамлении. Так было с бароном Мюнхгаузеном, который сам себя вытаскивал из болота за волосы, да еще вместе с конем. Также бывает и с обычными людьми, которые стремятся к самоулучшению или самоисправлению. Неспособность видеть собственный грех лишает возможности устранить причиняемый им вред. Это опасно для всякого человека, но наиболее бедственно для тех, кто осмелился взять на себя священнические обязанности. К священникам чаще всего обращаются люди, намеревающиеся противостоять греху, но не располагающие необходимыми для этого знанием и опытом. Что может посоветовать таким людям священник, который не видит собственных грехов и греховности, не противостоит им и не имеет опыта противостояния? Кроме общих рассуждений — ничего. Его советы можно сравнить с советами, которые дает начинающему водителю человек, сам никогда не садившийся за руль. За погубление души отвечать, конечно, придется, но погубленным его советами не будет ни легче, ни лучше.

И не хотят вспоминать люди, что внимание человеческое — векторно, и даже ищущий ягоды в лесу не заметит растущих там же грибов, а ищущий признаков своей праведности просто не способен заметить свои же грехи. А ведь способность видеть грехи свидетельствует о приближении человека к Богу, так же как не замечаемая в темноте грязь на одежде делается заметней по мере приближения к свету. Отношение к видению человеком грехов очень хорошо иллюстрируется словами старца, обращенными к молодому монаху, который сообщил, что видит ангелов: «Видеть ангелов дело обычное, а вот видеть собственные грехи — это достойно удивления.»

По своей природе бесы отрицают всякое добро и не дают ему части в себе. Но тем более они отрицают добро в людях и всячески усиливаются склонить их к такому же отрицанию добра. Подобным же образом ведет себя грех в поработанных им людях: пьяница навязывает окружающим пьянство, сребролюбец склоняет к поискам прибыли, ничтожный гордец заявляет, что «человек — это звучит гордо.» Тех же, кто таким соблазнам противостоит, грешник отвергает даже невольно, не принимая своим произволением то доброе, от чего соблазняемый не согласен отказаться. Но как бесы, так и их служители помимо склонения ко греху имеют еще одну возможность обречь человеческую душу на вечную погибель. В этом случае они не будут призывать к грехам, не будут причинять всевозможные неприятности. Напротив, они будут всячески содействовать человеку, преследуя одну цель: чтобы человек поверил им и не отделялся от них. Они прекрасно помнят то, о чем забыли люди: вера определяет, надежда устремляет к тому, во что веришь, а любовь соединяет с тем, на что надеешься. Поэтому и бесы и грешники могут говорить всю жизнь правду, чтобы им поверили, при этом ни разу не солгав, и всю жизнь материально «благодетельствовать,» чтобы их любили. В этом случае душа человека, соединившись с ними сначала верой, потом — любовью, разделит их загробную участь, чем и будет погублена.

Распознать собственный грех человек может несколькими способами:

Наличие какого-либо греха может быть замечено человеком по дискомфортному душевному состоянию, которое несомненно свидетельствует о наличии греха, даже если человек его не видит. видение совершаемого греха (напр. пьянства, курения, сквернословия); указание на грех окружающими, вызывающее эмоциональный протест с попыткой оправдать или объяснить свое поведение; согрешение других людей, вызывающее раздражение и склонность к осуждению; прямым указанием на конкретные грехи и на общую греховность может служить расхождение между поступками человека и их побудительными причинами с одной стороны, и Евангельскими заповедями с другой стороны.

В отношении окружающих тебя людей можно руководствоваться относительно простым правилом: все те, кто льстит тебе, кто призывает искать материальных ценностей или обещает их тебе, все, кто любым способом возвеличивает тебя или призывают к самовозвеличиванию, все, кто призывает искать приятной и легкой жизни, все, кто обращает внимание на величие человека или человечества — все лгут тебе и ищут гибели твоей душе.

Правда, найти в себе грех может только тот, кто прилагает к этому усилия, кто согласен трудиться не ради временной, но ради вечной жизни. Возникшее видение греха отвращает и пугает человека, чему всячески способствуют бесы или служащие им грешники в надежде на то, что человек, убоявшись, перестанет обнаруживать и исповедовать свои грехи. В утешение таким людям можно сказать, что по мнению святых отцов, видение собственного греха свидетельствует о приближении человека к Богу, и делается возможным благодаря этому приближению.

Та же грязь на одежде незаметна в темноте, но при приближении человека к свету делается видимой благодаря этому приближению. Какое общение света с тьмой, что общего у верных с нечестивыми? Очевидно, что человек не имеет множества вариантов отношения к греху, а может выбирать одно из двух. Или он признает свою греховность и конкретные грехи и решает противостоять им с Божьей помощью, или он отвращается от Бога и продает себя в вечное рабство греху (и в муку) за временные приятности. Любые попытки человека воспользоваться приятностью греха и избежать его мучительных последствий могут иметь лишь временный успех, за которым последует тем горшее мучение, тем более тягостное наказание.

Вообще грехом можно либо тяготиться, либо услаждаться, а сама тягостность может вызываться как наличием совершения так и невозможностью его совершить.

Из сказанного делается ясным, что знание о грехах жизненно необходимо человеку. В то же время постоянное содержание вниманием чужих грехов не может не оказать пагубного влияния на человека. Знание грехов и греховности необходимо для обращения к добродетелям, к животворным Евангельским заповедям, к Богу. Обращаясь к ним желательной и мысленной силой души, человек и осуществляет практически противостояние греху и обретает Жизнь, здоровье или силы для перенесения недугов.

Распространение греха, «заражение» грехом возможны не только тогда, когда человек сознательно склоняется к нему своим произволением. Сам факт общения с человеком, поработанным грехом, и носящим его в себе, влечет за собой в душевном плане те же последствия, что и общение с больным инфекционным заболеванием. Человек в результате контакта с грешником приобщается именно к тому греху, которым грешник заражен и страдает. Наиболее заметен такой способ передачи греха при рассмотрении отношений родителей и детей. Дети безусловно не только заражаются от родителей грехами, но и страдают от болезней, которые этими грехами вызываются. Поэтому говорить о безгрешности людей, видимо, нет ни малейшего основания. Но можно и нужно помнить о том, что по своей малости, ребенок до определенного возраста не подлежит ответственности перед Богом за усвоенные греховные наклонности и грехи. И странно ведут себя родители, пытающиеся искоренить в ребенке те грехи, которыми сами услаждаются, если не в делах, то в мыслях.

Мучительность неудовлетворенного греха проходит, если его требования выполнить, и человек получает некоторое успокоение, передышку. Но это успокоение влечет за собой не освобождение из-под власти греха, а еще большее поработание ему, зависимость от него. Грех, как удав, проглотивший добычу, на некоторое время успокаивается и за это время — вырастает. Так например, опохмелившийся алкоголик испытывает субъективно ощущение улучшения состояния. Но улучшение — это признак выздоровления. Разве, опохмелившись, он излечился от алкоголизма?

Люди могут соучаствовать в совершении любого греха, но это их объединение носит временный характер и такое соучастие не исключает вражды и конкуренции между

участниками, а напротив, предрасполагает к ним. Грех заставляет грешника оценивать поведение других людей с его собственных греховных позиций и изыскивать даже несуществующий грех потому что безгрешное поведение делается для него непонятным.

Поскольку каждый человек в той или иной мере осознает худость греха, то он пытается его скрыть, и следовательно, то, что человек пытается скрыть, чаще всего оказывается основанным на том или ином грехе.

Грех можно обнаружить по плодам (результатам) деятельности, которые оказываются огорчительными, вредоносными.

Поскольку качества необходимо воплощаются в результатах деятельности, по этим результатам человек может судить о не замечаемых им в себе грехах. Как говорят Святые отцы, человек наказуется тем, чем согрешает. Поскольку последующего греха не бывает без предшествующего, постольку человек, заметивший какой-то грех, может без сомнений узнать какие еще не замечаемые им грехи есть в его характере (древо греха).

Обычно греховный человек тяготеет предстоящими делами или событиями, которые не представляют ему видимой возможности удовлетворять своим грехам.

Поскольку грех не входит в естество человека, неправильно говорить: «Я жадең,» ибо этим утверждается чуждая человеку власть греха над ним. Сказав же: «есть я и есть паразитирующий на мне грех,» человек уже кладет начало отделению себя от греха. Точно также — трудно принуждать самого себя даже на хорошее. Но принуждать себя к добродетели человек не может, т. к. добродетель естественна ему, а к естественному нет необходимости понуждать. Поэтому правильнее и лучше считать, что человек борется не с собой, а с паразитирующими на нем бесами и что понуждает себя не к добру, а к противостоянию толкающим его ко злу грехам.

Страсти

В связи с использованием как в этой, так и в последующих статьях таких слов, как «страсть,» «демоны,» «грех» следует сразу указать на различие между ними. Грех — это мысли или действия, непосредственно доставляющие человеку приятность, удовольствие и тем привлекающие его извне, обращающие к внешнему. Грех, как говорят подвижники благочестия, льстит душе и ласкает тело. Демоны — это падшие ангелы, последовавшие за сатаной при его падении и, в силу своей духовности, мгновенно и окончательно обратившиеся к злу, отворачившись от всякого добра. По своей зложелательности они стремятся погубить человеческую душу, всевая в нее греховные мысли и желания, содействуя в любой форме греховным поступкам и создавая для них условия. Могут действовать как сами, так и через отрекшихся от Бога и поработившихся злу людей, что по сути своей одно и то же.

Страсть — это постоянное желание совершать какой-либо грех, как пользующееся любой возможностью для своего воплощения, так и создающее такую возможность. Страсти толкают человека ко греху изнутри, и в этом случае человек губит сам себя, используя для этого силы собственной души.

Само их наименование говорит о том, что они страшны для человека, что их должно страшиться, что они вызывают чувство страха и, следовательно, вредоносны. Возникающее в душе ощущение страха часто вызывается именно наличием страсти, но человек, не знакомый с воздействием страстей, ищет причины страха не в своей душе, а в окружающем. Поэтому, не будучи в состоянии отыскать причины страха, вынужден считать его беспричинным, немотивированным.

В душу человека страсти проникают разными путями. Они могут быть как унаследованы ребенком от родителей, так могут и возрасть и формироваться в душе постепенно, путем воспитания (непосредственного влияния на душу ребенка страстей от окружающих его людей), научения или впечатления образа воплощения страсти, запечатление действий и слов страстных людей. Последнее опасно, потому что душе

свойственно искать во внешнем мире то, что внесено внутрь ее. Кроме того, поступки и поведение человека определяются тем, чем наполнена его душа, его сердце.

Постепенное перерастание отрицательных качеств характера человека в страсть может происходить только при наличии его внутреннего согласия с теми или иными конкретными проявлениями страсти. Святые отцы различают следующие ступени и признаки их роста: прилог, сосложение, согласие, обдумывание, совершение, повторение (пристрастие), порабощенность (собственно страсть). В качестве рабочей можно принять трехступенчатую схему роста страсти. Для первой ступени характерно соответствие между внешним раздражителем, предлогом и выраженностью обнаружения страсти. Например, человек на незначительную и на сильную обиду, соответственно, ответит или легким недовольством или обидится сильно. В любом случае удовлетворенное качество возрастает и приводит человека к следующей ступени, находясь на которой человек одинаково сильно обижается на любые даже ничтожные, но обидные для него поступки других людей. И, наконец, раньше или позже, страсти приводят человека к третьей ступени, на которой его состояние определяется порабощенностью страсти, одержимостью ею. Страсть в этом случае принуждает человека к активным поискам поводов для своего удовлетворения, и тогда без всяких внешних причин человек начинает искать, на что обидеться, на чем «сорвать злость,» чего пожелать, чем похвастаться. Возросшая и укоренившаяся в душе человека страсть действует по отношению к нему принудительно, но это обнаруживается только при попытках противостоять ей. В общих чертах, самым ярким и прекрасно всем известным примером того, как страсть растет и воздействует на человека, является обыкновенный алкоголизм. Поэтому человек, зная об алкоголизме из литературы или из жизненного опыта, может легко и практически без ошибок применить свои знания к трусости, жадности, чревоугодию и тому подобному.

При всей распространенности активно насаждаемых страстей, крайне редки люди, которые сознательно оправдывают и насаждают страсти, понимая их вредоносность. Гораздо чаще, как это ни странно на первый взгляд, как раз в попытках оправдать ту или иную страсть, проявляется изначальная склонность человека к добру: он вынужден оправдывать страсть, если не желает расстаться с нею, ибо признав ее злом, уже не сможет со спокойной совестью выполнять ее требования.

Обычно страсти привлекают человека возможностью увеличить количество приятных душевных и телесных ощущений или, что то же самое, уменьшить количество неприятных: все они либо льстят душе, либо ласкают тело, но непременно лгут, т. к. имеют конечной целью не обрадование, а погубление человека, от чего старательно и успешно отвлекают его внимание. И слова о том, что ублажающие нас лгут нам, справедливы не только к окружающим людям, но и к демонам, и — к появляющимся в нашем сознании мыслям. Всякая страсть первоначально возбуждается демонами, которые враждуют не только с Богом, человеком и ангелами, но и между собой. Поэтому различные страсти плохо уживаются друг с другом (или враг с врагом?), и не могут в одно и то же время совместиться в человеке расточительность и скупость, трусость и смелость, льстивость и злобность и т. д. Правда, будучи согласны только в одном — в стремлении по своей зависти погубить человека, демоны могут очень быстро передавать человека один другому, но перестают ему докучать, чтобы не мешать его погублению, только в том случае, если человек целеустремленно предается какой-либо одной страсти. Особое место в ряду страстей занимает мечтательность: пожалуй, это единственная страсть, которая сожительствоует с другими страстями и грехами, оказывая им всяческое содействие. И если мечтатель — государственный деятель, то это обстоятельство приводит, в конце концов, к пагубным последствиям для целой страны.

Возможно отступление демонов объяснить еще и тем, что погубление человека они, как правило, осуществляют его же собственными силами, а у предавшегося какой-либо страсти все силы уже заняты именно ею и для других просто не остается ни времени, ни сил. Поведение человека при этом может сделаться внешне упорядоченным, он может выглядеть вполне благополучным, и не всем видна наполняющая его бесовщина, но находится такой

человек в более опасном положении, чем согрешающий грехом явным, вредоносность которого очевидна и несомненна.

Одной из самых важных побед демонов над человеком можно считать распространение мнения о том, что страстное состояние естественно человеку, что без страстей, неважно каких, жизнь скучна, неинтересна; жить просто невозможно. Если такого мнения придерживается человек, сведения которого о душевной жизни скудны, то это объясняется уровнем его развития; а человек, знакомый с животворным и, как говорят Святые отцы, радостотворным действием добродетелей, может придерживаться этого мнения только по своему злонравию. Но всякий легко убеждается в том, что страсти противоестественны, обратив внимание на пагубность для человека как самих страстей, так и их последствий. Но то, что естественно, не может вредить, это как например: не вредит саксаулу — жара, моржам — холод, а рыбам — постоянное нахождение в воде. Кроме этого, постоянная тягостность, испытываемая человеком при попытке отказаться от какого-либо пристрастия, очевидно противодействует воле человека, и, следовательно, является результатом давления извне. Прекращается это давление сразу же, как только человек прекращает противостояние страсти, удовлетворяет ей. Значит, целью этого давления и является одно: преодолеть противостояние человека страстям, возобновить и закрепить его поработченность страстям и грехам. Но удовлетворение страсти не дает возможности избавиться от нее — ведь всякое качество, будучи удовлетворяемо, возрастает, и человек в этом случае сам увеличивает силу своих врагов и их власть над собой своими же собственными поступками.

Все сказанное равным образом относится и к душевным и к телесным страстям. Такое их деление условно и относится скорее не к их сущности, а только к способу их выражения, воплощения: ведь любая страсть, безусловно, вредит душе и может укорениться в человеке только с согласия на это души. Поэтому мы не совершим ошибки, причислив их все к страстям душевным. Но если указанное давление условно, то отделение страстей от любого положительного качества естественно и обязательно. И если говорят о страстной любви, страстном желании помочь людям, страстном отвержении зла и т. д., то говорят так из-за элементарной неосведомленности или по отсутствию душевной чуткости. Если же мы действительно наблюдаем в человеке состояние одержимости страстью, то речь не может идти о любви, сочувствии, доброжелательности; этими словами пытаются прикрыть похотливость (блудливость), человекоугодие и тщеславие, самоправедность. Они, действительно, могут быть страстными, если достаточно укрепились в человеке. Кроме этого, всегда страстно воспротивится одержимый бессмысленностью — любому здравому смыслу, лживостью — праведности, пьяница — трезвости. И страстность может проявляться не в шумности, а в настаивании на правильности своей позиции, в ее оправдании, навязывании ее окружающим и в следовании ей под любым предлогом.

Если же страсти наличествуют в человеке по согласию с ними души, то и противостояние им начинается с труда не телесного, а душевного. Трудно признавать свою собственную худость, труднее — постоянно помнить о ней, еще труднее — отделить страсти от самого себя и раскаяться в сочувствии и содействии им, ибо как человеку бороться с самим собой? Епископ Игнатий Брянчанинов говорит, что одна из самых важных побед демонов — распространение мнения о том, будто их (демонов) вовсе нет в природе. И действительно, это мнение лишает человека возможности распознать демонские уловки и вынуждает все плохое в себе считать собственным порождением, а одна только эта мысль уже укрепляет греховность ее признанием и принятием. Но одно только признание худости страстей, наличия их в себе и отделение от себя ослабляет сами страсти, и их власть над человеком, ибо, будучи сами ложью и порождением лжи, правды они не терпят. Именно это и заставляет страстного человека признавать за собой любой грех, кроме того, который является следствием и причиной поработившей его страсти: стяжатель признает за собой трусость, жестокость — но не жадность, пьяница — жадность, блудливость, но не пьянство, блудливый — пьянство, упрямство, но не блуд...

По этой же причине страстям (грехам) свойственно пытаться объяснить греховные поступки внешними обстоятельствами и поведением других людей. Но обстоятельства равно представляют нам возможность как согрешить, так и послужить добродетели: в опасной ситуации человек может обнаружить храбрость или трусость, за праздничным столом — умеренность или чревоугодие. Человек всегда волен взять на себя какие-либо обязательства — правдивость, обязательность, верность или же вероломство, лживость, безответственность.

Когда же человек противостанет страстям, тогда он может убедиться и в собственной немощи и в необходимости получения помощи от Того, Кто может и защитить, и очистить. Правда, это — война, и, как всякая война, приносит с собой не только и не обязательно победу, но и лишения, и страдания, и труд. И никогда не восстанет, даже против своих же врагов, тот, кто согласен и желает мириться со всякой мерзостью, лишь бы жить сытно и без труда.

Человеку, сознающему свою собственную уязвимость, а не превосходство, не умеющему воздерживаться, — лучше удалиться от общения с такими людьми, ибо душа по своему свойству не только ощущать, но и воспринимать окружающее, непосредственно усваивает настроения и желания людей. И чаще всего эти настроения и желания оцениваются душой как собственные. По-видимому, этот смысл, утраченный, к сожалению, в переводе, и имеется в виду в притче о сеятеле: «Посеянное в тернии означает слышащих слово, но... заботы века сего, и обольщение богатством... заглушают слово и оно остается без плода» (Мк. 4:19).

Перечень болезней

Психические заболевания

(чаще формируются при удовлетворении грехам)

Шизофрения — мечтательность, самоуверенность (самолюбие), своеволие. Часто наблюдаемая манерность — воплощение самолюбования; аморфность, инфантильность, как безответственность. Противоположные качества «врачующие» — определенность, вера, послушание.

Эпилепсия — жестокость, самонадеянность, нетерпение (мятежность), упрямство. Врачуется жалостью, надеждой, терпением.

Любая истерическая симптоматика — тщеславие (привлечение внимания к себе, к своим мыслям, эмоциям, состояниям; «профессиональная» болезнь актеров).

Любая невротическая симптоматика — заносчивость (варианты зависят от присоединившихся отрицательных качеств).

Алкоголизм — вторичное проявление плотолюбия.

Депрессивные состояния — тоска (может сопровождаться гипотонией), уныние (желание «не просыпаться» утром), печаль (сонливость к вечеру), самосожаление (сопровождается изысканием плохого там, где его нет).

Причины психопатий прослеживаются достаточно легко в каждом отдельном случае путем определения главенствующего греха.

Суицидальные тенденции (недемонстративные) — отчаяние, трусость, нетерпение, (последнее может обнаруживаться через тошноту, беспричинное повышение температуры тела).

Наркомания — душелюбие (небарбитуровые).

Соматические заболевания

(чаще возникают тогда, когда человек не удовлетворяет греховным желаниям, с которыми внутренне согласен, по причинам личной или общественной морали, по физической невозможности)

Язвенная болезнь желудка — трусость. Язвенная болезнь 12-перстной кишки — опасливость (может обнаруживаться как по желанию со всеми быть в хороших отношениях, так и по умению наживать себе врагов).

Облитерирующий энтерит — боязливость. Повторное многократное нажатие кнопки, которое каждый раз сопровождается сильным местным воздействием электрического тока, легко может привести к спазму сосудов. Наиболее часто повторяющиеся поступки — это ходьба, шагание, которое у охваченного боязливостью человека приводят к заболеванию, т. к. вызывают те же последствия из-за боязни каждого шага.

Заикание — пугливость (часто связано с самонадеянностью).

Бронхиальная астма (бронхит) — напористость. Легко заметить, как преодолевающий сопротивление человек произвольно задерживает выдох: в споре, при поднятии тяжести, при прицеливании перед выстрелом и т. д. Когда настроение, воплощающееся в задержке дыхания, делается преобладающим, задержка выдоха происходит помимо воли больного. Врачуемые качества — целеустремленность, определенность, постоянство или уступчивость.

Тиреотоксикоз — рвение. Может рассматриваться как результат гормональной «самостимуляции» организма. Врачуемые качества — умеренность, постепенность или усердие и старательность; надежда.

Ишемическая болезнь сердца — жестокость. Ранее возникала при снижении возможностей человека в сочетании с желанием сохранить прежнее положение, влияние. Заболевание «помолодело» в связи с ростом уровня притязаний. Профессиональное заболевание чиновников? Врачуемые качества — благодарность, уважительность, человеколюбие или строгость, суровость, требовательность.

Часто в основе болезней лежит гордыня, которая трудно замечается сама по себе, но делается легко заметной по отсутствию благодарности или по уровню внешних притязаний т. к. человек претендует только на то, на что считает или ощущает себя имеющим право.

Врачуемыми качествами могут быть качества, противоположные грехам и требующие изменения сложившегося стереотипа поведения, или качества, отличающиеся внутренней ориентацией души и по поведению, внешне, сходные с вызывающими заболевание грехами.

Но соотношение грехов и болезней далеко не исчерпывается описанными сочетаниями.

Представляется целесообразным проследить, в сочетании с какими качествами нетерпение может давать такие разнообразные клинические картины при аллергии. Это само по себе представляется весьма трудным; но гораздо труднее проследить, какая жизненная обстановка или отдельный случай превратили безобидное вещество в аллерген для данного больного. Или здесь тоже ведущая роль принадлежит душевным факторам? Связаны ли лейкопения с ненавистью, а злость — с заболеванием гепатитом, в том числе, вирусным? Зависит ли гипотония от наличия в характере уныния, тоски, лени; и от чего конкретно? Как сказываются выдержка и вспыльчивость на состоянии желчного пузыря?

Но разрешение этих и многих других нужных и интересных вопросов требует слаженных коллективных усилий и времени.

А вот создание православной психологии и психиатрии в больших усилиях не нуждается, ибо они уже созданы трудами святых отцов, но даже только систематизация содержащихся в этих трудах знаний также непосильна одному человеку, хотя, вне всяких сомнений, принесла бы людям больше пользы, чем вся психофармакология при полном осознании огромного значения последней.

Методика беседы с больным

Начинаются беседы, как правило, с уяснения того, что ищет в жизни каждый человек: радости и счастья. Пусть каждый связывает эти понятия с разными причинами, но каждый соглашается, что цель его поисков и труда может быть обозначена этими словами.

Далее следует обсуждение того, что радость и счастье не зависят от внешних причин: счастливыми и несчастными равно могут быть юные и старые, бедные и богатые, абсолютно безграмотные и профессора, находящиеся в самом низу социальной лестницы и высокопоставленные люди... Таким образом, если наличие ощущения счастья и радости не зависит от важнейших внешних факторов (возраст, образование, деньги, социальное положение), то тем менее оно зависит от менее значительных внешних условий и обстоятельств. Но внешнее участвует в формировании состояния человека через его внутреннее отношение к внешнему. При этом, в зависимости от внутреннего отношения к нему, одно и то же внешнее обстоятельство может способствовать формированию самых разнообразных состояний и форм поведения (поступков). Например, попавший в беду может вызвать и сочувствие и злорадство, пьяный дебошир — и осуждение и жалость.

В связи со склонностью людей к объяснению (и через это оправданию) своего поведения внешними обстоятельствами, которые якобы вынуждают людей вести себя каким-либо определенным образом, подлежит рассмотрению вопрос о «свободе» и «воле», а так же о том, что человек всегда поступает по своему желанию или произволению, и имеет место не отказ от собственного желания, а выбор одного из желаний, более предпочтительного. Строго говоря, даже раб предпочитал выполнять свою работу и получать пищу, а не отказываться от работы — и получать плети.

Ссылка на людей со «слабой волей» легко нейтрализуется рассмотрением поведения «слабовольного» алкоголика, который не может бросить пить несмотря на уговоры жены, детей и друзей, несмотря на неприятности на службе и заботы врачей. Но по сути дела с его «слабой» волей не в состоянии справиться все его окружение, и поэтому правильнее говорить не о слабости, а о неправильном устремлении воли.

Отношение, желание (произволение), поведения основываются исключительно на моральных качествах, и именно по выбору отношения (свобода) и поведение (воля) обнаруживается то, чему человек отдает предпочтение: лжи или правде, жадности или бескорыстию и так далее.

Следовательно, если радость и счастье зависят не от внешнего мира, а от внутреннего отношения к нему, которое, в свою очередь, формируется нравственными качествами, то можно без сомнения утверждать, что радость и счастье человека зависят от его нравственности.

Производится разделение нравственных качеств на положительные и отрицательные. Выправляются и объясняются совершенные ошибки. Обращается внимание на то, что физическая сила, ум и тому подобное сами по себе не являются качествами, т. к., с одной стороны, могут быть направлены на служение как добру, так и злу, а с другой стороны, их наличие не находится в произволении человека.

Рассматривается, какими эмоциональными состояниями сопровождаются положительные, а какими — отрицательные качества, и наличие у человека отрицательных эмоций вводится, как основание для поиска им в себе отрицательных качеств.

Рассматриваются замеченные человеком в себе отрицательные и положительные качества, не менее 5. Часто больным фиксируются второстепенные качества, а основные не замечаются. Неспособность обозначить свои же положительные качества говорит, как минимум о неблагодарности, а неумение распознать отрицательное — о самомнении. Отсутствие положительных говорит о неблагодарности, а отрицательных — о гордости, которая легко замечается по отсутствию благодарности.

Понятия о качествах заменяется понятиями о грехах и добродетелях, о греховности. Обращается внимание на то, что грех и болезнь не столько вина, сколько беда человека, что грех противоестественен для человека, т. к. приносить вред может только то, что против естества, чем оно естественно повреждается и разрушается.

В то же время необходимо обратить внимание на то, что преступником, подлежащим наказанию, человек становится не тогда, когда он будет ежедневно мысленно совершать (или вдохновлять) всевозможные преступления, а тогда, когда он совершит хотя бы однажды одно из них. То же самое относится к греху и воздаянию за него.

В связи с этим объясняется, что, хотя в человеке хорошего может быть больше, чем плохого, искать следует плохое. Разбирается понятие о самоправедности и о невозможности для человека (по естественному свойству внимания быть направленным только на что-нибудь одно) увидеть свои грехи, если он занят отыскиванием своих добродетелей.

В связи с тем, что грехи и греховность не очевидны, пока человек не попытается им противостоять, больному предлагается занять должным свое внимание и желание. Умение замечать ощущаемое желание (ощущение, возникающее за грудиной при сдерживании готового сорваться слова, начатого действия — это и есть ощущение собственного желания). При достаточном внимании легко можно заметить, что «движение» желания предшествует любому, даже обыденному высказыванию или поступку.

Для соматических заболеваний, ко всему сказанному выше, присоединяется объяснение порядка взаимоотношений души и тела, обращается внимание на то, что, при мысленном представлении различных ситуаций и различного поведения, в теле под влиянием души происходят различные биохимические процессы с вовлечением различных функциональных систем.

Проводится беседа об изменении состояния души, наличии разлада и противоречий между мыслями, желаниями и возможностями (потребностями) плоти.

Человек учится различать: плохо — неприятно, хорошо — приятно, радость — удовольствие.

Все высказываемые положения нужно иллюстрировать предельно простыми, не допускающими разночтений примерами из окружающего.

Работа складывается из бесед, в которых рассматриваются отдельные положения, и обязательных «домашних заданий», которые предполагают обдумывание содержания беседы и подготовку вопросов, наличие которых свидетельствует о добросовестном старании и заинтересованности больного.

Рассматриваются возможности противостояния греху либо бо́льшим злом, либо добром. Показывается животворность добродетелей, отход от которых несет смерть, и любовь — как источник всякой добродетели. Рассматривается живительность любви. Дается понятие о Боге, о Таинствах, о Церкви.

Помехи в беседах с больными

Попытка втянуть врача в спор о предмете беседы. Попытка обосновать свое решение не следовать рекомендациям врача и не доверять ему, выявивши его недостаточную компетентность, не имеющую отношение к теме беседы. Провоцирование врача на «передозировку» информации быстрым осмыслением без принятия обсуждаемого, без согласия с позицией врача. Выяснение конечной цели беседы врача с последующим отказом от нее, как от непосильной. Обсуждение моральных качеств врача, достоинств и недостатков его подхода к болезням, его способностей. Прямое «награждение» врача своими качествами (грехами).

Противостояние означенным тенденциям больного

Любое настояние на своей правоте со стороны больного неуместно и несвоевременно, т. к. зная сам то, что правильно, он не попал бы в беду и не искал бы помощи. Больной пришел для обсуждения своих проблем, а не для выяснения интересов врача и его мнений по каким бы то ни было вопросам. Следование заранее принятому плану. Для понимания цели потребны труд и время. Сам врач не нуждается в помощи больного, а больной может либо видеть каков тот, кто готов помочь ему выбраться из огня и все-таки продолжать гореть, либо с помощью врача попытаться выбраться из огня; как правило, обращению предшествует многократные посещения специалистов-медиков. Внимание врача к себе самому, и готовность противостоять тем грехам, которые замечены у больных, сознавая и свою личную доступность греху.

В процессе собеседований неоднократно и настоятельно необходимо напоминать больному, что он ни во время беседы, ни дома не должен оставлять невыясненным ни одного положения, полностью им не уясненного, каким бы малозначащим оно не представлялось, ибо серьезные упущения часто проявляются в малозначащих деталях. Всячески поощряется, пусть многократные, вопросы больного по одному и тому же поводу.

Дальнейшая работа — обращение к христианским добродетелям и таинствам Церкви.

Но, помимо исчисленных особенностей лечения, применение данной методики обязывает учитывать более общие особенности, касающиеся как врача, так и больного.

Не следует забывать о том, что психиатры и психотерапевты, особенно имеющие большой опыт с больными, привыкли идти путем улучшения и укрепления больного, повышать его веру в себя, свою способность собственными силами преодолевать трудности и достигать искомого результата. Короче говоря, врачи привыкли вести больного по пути самоутверждения в разрешении беспокоящих его вопросов или переключать его внимание на какие-либо другие цели, достижение которых видят опять-таки на путях самоутверждения. Аналогично настроено и большинство больных. Путь этот порочен по самой своей сути, потому что любой грех, приносящий человеку болезнь, и является формой (или способом) самоутверждения во внешнем мире.

Что касается западных методик, то практически все они имеют целью внешний успех (комфорт) и способом его достижения — воспитание в человеке вседозволенности и безразличия к окружающим; а разные методики — это просто разные способы осуществления такого отношения.

И, напротив, любое положительное качество (добродетель) всегда является формой (способом) ограничения личных притязаний человека во внешнем мире; личных — но не тех, которые необходимы ему для выполнения своего служебного или общественного долга. Врач может в нашей стране получать нищенскую оплату труда, но он вправе требовать для выполнения своей работы медикаменты и оборудование, в том числе и дорогостоящие; учитель вправе соглашаться на мизерную оплату своего личного труда, но вправе требовать дорогостоящие учебные пособия.

А, возвращаясь к добродетелям, можно сказать, что все они по сути своей — самоограничение. Так, доброта — потребность без корысти отдавать людям свое время, силы, средства; щедрость — потребность дать человеку больше, чем он просит, предвидя его нужду; скромность — потребность не привлекать внимания лично к себе. И так всякое положительное качество является воплощением потребности ограничить себя ради блага другого человека.

Болезнь — только показатель греха и от него-то надлежит исцелить душу, а телесное здоровье, естественно, последует за оздоровлением души.

Правда, бывают случаи, когда можно напрямую трудиться для телесного здоровья. Это допустимо тогда, когда болезнь отягощает близких или мешает выполнению заповедей и своих житейских или служебных обязанностей. Но и в этом случае здоровье не является самоцелью, а лишь средством, необходимым для исполнения нравственного долга.

Еще одним камнем преткновения является самолечение. И если для больного в общем этот термин понятен настолько, что не нуждается в расшифровке и объяснении, то для

врачующего это не столь очевидно. Применительно к врачу «самолечение» можно понимать как желание самому (врачу?), собственными силами и знаниями излечить больного. (непонятно: самому больному себя исцелить?) Да, для лечения необходимы труды и врача и больного. И больной, считающий, что он вправе вести себя как угодно, а врач обязан его вылечить только потому, что он к врачу обратился, вряд ли получит исцеление. В общем позицию таких больных можно сформулировать следующим образом: «Я пришел, я заплатил; ты — врач, обязан меня лечить. Вот и вылечивай как хочешь.» И эта позиция свидетельствует и о безнравственности и о малом, мягко выражаясь, уме.

Но даже совместные труды врача и пациента не являются гарантией немедленного получения больным здоровья. Эти труды склоняют к себе милость Божию, и Бог, как Источник жизни, дарует выздоровление.

Поэтому обращение к Таинствам необходимо хотя бы в том смысле, что через них подается здоровье души и телу. И какое уже здесь «самолечение»!

Разумеется, что поскольку грех и вызванная им болезнь, возникают не вдруг, а в процессе постепенного и постоянного роста, в результате греховной жизни, постольку и избавление от них возможно благодаря усиленному обращению к добродетелям постоянно, а не только на время визитов к врачу и посещения храма; благодаря жизни по православным нормам, по заповедям, которые только и могут принести страждущему исцеление. Правда, жизнь по заповедям крайне затруднительна в бывшей православной стране. Прямого гонения на христиан нет, но есть постепенное вытеснение христианского отношения к жизни из быта и работы людей; для христианского отношения просто не оставляют места. Но свободы (право выбора человеком своего отношения к окружающему), слава Богу, еще не лишен человек. И он может выбирать: покривить душой — и преуспевать, или сохранить верность заповедям даже в ущерб материальному положению. Речь, разумеется, идет о христианах, а не о тех, кто лицемерно объявляет себя христианином только потому что это модно, или для того, чтобы обнаружить свою приобщенность к «духовности,» или только потому, что «в детстве, 40 лет тому назад, меня бабушка крестила.»

Бог есть Любовь. И мир, естественно, устроен Им по собственным законам, по законам Любви... Сказано также, что Бог «Истина и Жизнь.»

Таким образом получается, что отвергающий Любовь и основанное на ней отношение к окружающему, отчуждает себя от Истины (правды) и Жизни (Животворящего Духа); сознательно искажающий Истину — лишается Жизни (здоровья) и Любви (добродетелей), а пребывающий в «плохом настроении» — просто не может приобщиться ни Истины, ни Любви.

Кстати сказать, заповеди и даны нам, чтобы, соблюдая их, мы не оказались в состоянии противоречия с законами, по которым создан мир и мы сами, с законами Любви, и через это не лишились Жизни.

И, пожалуй, последнее, о чем нужно предупредить. Понятно и непредосудительно поскорее обрести здоровье — для больного, и излечить человека — для врача. Но «словесная передозировка,» как правило, приводит к резкому обострению как душевного, так и, правда, в меньшей степени, телесного заболевания. В беседе с больным важна не его способность запомнить и даже понять сказанное, а его способность усвоить то, о чем говорит врач. Василий Великий говорил, «что при избыточном употреблении пищи извергаются не только ее излишки, но и необходимое» и советовал давать духовную пищу, соотносясь с состоянием слушающего, чтобы не случилось подобного и с духовной пищей.

Поэтому, несмотря на краткость изложения, эта методика требует для практического освоения 2–4 месяца, а в течении первых 1–2 недель беседы с больными должны проводиться практически ежедневно.

Описания греховных качеств

Азартность — желание отдавать время, силы, средства тому пристрастию, которым занят в настоящий момент, в ущерб долгу.

Беззаботность — желание избавиться себя от забот, даже житейски необходимых.

Безжалостность — желание не разделять с человеком тяжесть перенесения скорбей и страданий и не пытаться их уменьшить или ослабить.

Безнадежность — желание не искать возможности надеяться; желание ни на что не надеяться.

Безнаказанность — желание не считать себя подлежащим наказанию, независимо от поведения; желание избежать наказания.

Безответственность — желание не нести ответственности за свои поступки. Во внешнем поведении обнаруживается высказыванием заведомо неприемлемых предложений, высказыванием собственных намерений, которые говорящий не собирается проводить в жизнь, попытками сделать так, чтобы желательное для тебя решение или мнение было выдвинуто, высказано другими людьми и принято большинством участвующих в обсуждении людей (всевозможные собрания, голосования, «воля народа»); желанием уклониться от ответственности, объяснив свое поведение или высказывание давлением обстоятельств или собственной неспособностью, бессилием поступать иначе; не обнаруживать своих целей, планов, не желая подвергнуться порицанию не только за дела, но даже за мысли. Проявляется нежеланием (а в последующем неспособностью) предвидеть и предусматривать последствия своих чувств, мыслей, высказываний и поступков. Может обнаруживаться также склонностью к занятиям, не приводящим к какому-либо осязаемому результату, за который пришлось бы отвечать (напр., игры на компьютере или любые другие развлечения). Возвращается безответственность родительским баловством ребенка, разрешением делать ему все что угодно, не наказывая его не только за непослушание, но и за откровенно распущенное поведение, ограждать от справедливых упреков и претензий окружающих. Как и все грехи, безответственность проистекает от гордости через самолюбие — саможаление — самооправдание и приводит к бесцельности и бессмысленности (утрата в жизни цели и ее смысла), сводя всю деятельность человека к удовлетворению повседневных, сиюминутных, житейских потребностей. В медицине состояние человеческой души, определяемое безответственностью, принято называть инфантильностью. В окружающих безответственным человеком отвергаются любые качества, могущие заставить его отвечать за свои поступки, и прежде всего целеустремленность, определенность, требовательность. Кстати, последняя черта (качество) часто свойственна самому безответственному, но по отношению не к себе, а к окружающим. Безответственный человек легко нарушает взятые на себя обязательства («мое слово: хочу дал, хочу взял обратно»), принимает на себя обязательства, заведомо невыполнимые, не является вовремя на встречи, в том числе и деловые и т. д. Противостоят легче всего теми качествами, которые безответственными отвергаются активнее всего, безусловным признанием того, что даже «за каждое праздное слово» человек понесет ответственность либо в этой жизни, либо в будущей. Наиболее распространенное средство воспитания безответственности в людях — это учение о карме и о перевоплощениях души, при которых окончательной ответственности за свою жизнь человек не подвергается неопределенно долгое время. Безответственный человек ко всему относится достаточно легко и часто склонен к иронии, которая в значительной степени умалывает его трудности, которых он все равно не избежит.

Безразличие — желание не различать добро и зло. (Связано с самооправданием, презрительностью, самомнением.) Низводит на уровень «бессловесных.»

Безрассудство — желание не рассуждать о своем поведении, поступках, не обдумывать их даже тогда, когда человек способен на это.

Беспечность — желание не заботиться о спасении души, о полезном для нее.

Беспощадность — желание не щадить (не прощать) даже тех, кто просит о прощении, о милости, безоговорочно признавая свою вину и всей своей силой отрицая виновного поведения в будущем.

Бессовестность — желание не обращать внимания на собственные мысли, обличающие твое же плохое (греховное) поведение и намерения.

Бесстрашие — желание либо не испытывать чувство страха, либо убедить в его отсутствии себя и окружающих.

Бесмысленность — желание не видеть смысла своих поступков, не искать его.

Бесстыдство — желание не обращать внимания на то, что для окружающих, которые не сделали тебе ничего плохого, твое поведение тягостно, огорчительно, вредно.

Бесцельность — желание не ставить перед собой определенную, конкретную цель и трудиться ради ее достижения, желание не иметь цели.

Блудливость — желание либо незаконных интимных связей, либо, в более широком смысле, желание физической близости не для чадородия. Последнее возможно и во взаимоотношениях супругов.

Боязливость — желание считать вредными для себя свои же собственные поступки, а не толкающие на них страсти.

Брезгливость — желание считать окружающее (окружающих) неприемлемо грязным, вредоносным, худшим того, чего мы достойны.

Властолюбие — желание обладать властью над окружающими, распоряжаться ими.

Воровство — желание тем или иным способом присвоить то, что тебе не принадлежит.

Враждебность — желание расценивать обстоятельства и отношения окружающих, как заведомо направленные против тебя и дать им отпор.

Высокомерие — желание считать себя выше других людей по одаренности и целям деятельности и доступным не обычным, а только высоким мерам (как правило — духовным).

Гордость — желание считать себя самостоятельной и единственной причиной всего хорошего, что есть в тебе и вокруг тебя. Во внешнем поведении человека гордость проявляется двояко. Практически любой видимый грех, который совершает человек, является проявлением гордости по следующим причинам. В каждом человеке заложено чувство справедливости, которое по сути своей является субъективным ощущением соразмерности между достоинствами человека внутренними и внешним воздаянием за них. По устройству своему человек никогда не претендует во внешнем мире на то, на что внутренне не считает себя имеющим право. Поэтому чем интенсивнее выражена в человеке гордость, тем на большее он считает себя имеющим право и, не колеблясь сомнениями, добивается осуществления этих своих прав.

Гортанобесие — желание употреблять ту пищу, которой услаждается вкус, даже если ее недостаточно для насыщения.

Гневливость — желание принудить окружающих безоговорочно и безотлагательно прекратить то, что лично тебе не по нраву в их поведении. Легче обнаруживается, когда человек встречает поведение, с его точки зрения неправильное.

Греховность — привычное обращение человеком своего желания и внимание к внешнему, к своей деятельности и положению во внешнем, к своим взаимоотношениям с окружающим, а не к своей душе, не к поискам Царствия Небесного внутри себя.

Грубость — желание, не следуя нормам поведения, вести себя оскорбительным, огорчительным, неприятным или хотя бы неудобным для окружающих образом.

Дерзость — желание вольного отношения с окружающими.

Двоедушие — желание получить то, что приятно, не лишаясь того, что хорошо; желание достичь духовных благ, не лишаясь земных.

Душелюбие — желание услаждаться силой и разнообразием собственных эмоций.

Жадность — желание приобретения любых материальных ценностей. Может принимать форму предпринимательства, хищения, коллекционирования и т. д., хотя перечисленное не обязательно является проявлением жадности.

Жеманность — желание любоваться своими манерами и считать, что они приятны окружающим.

Жестокость — желание доказать свою же собственную значимость, власть, силу хотя бы самому себе. Специфических проявлений в поведении человека не наблюдается, но может проявляться в поисках признания заслуг, признания дарований, в признании значимости своей роли в тех или иных происходящих событиях.

Зависть — желание, чтобы окружающие люди (или один человек) не располагали тем, чего сам завистливый не имеет в такой же или большей степени (количестве). Может распространяться на способности, имущество, уважение людей, социальное положение, здоровье и т. д. Во внешнем — может проявляться недовольством по поводу чьих-либо успехов, желанием умалить то, что вызывает зависть, желанием либо приобрести то, чему завидует, либо лишить того, кому завидует, предмета зависти. Святые отцы говорят, что зависть — это нежелание добра ближнему.

Задиристость — желание вызвать человека на противодействие тебе, на конфликт с тобою (душевный, словесный или физический) с тем, чтобы обнаружить свое превосходство над ним (интеллектуальное, физическое и т. д.), в котором ты заранее уверен. От задорности отличается тем, что зазорность как правило, имеет целью показать, что ты не хуже других, а задиристость — что другие хуже тебя. Во внешнем поведении — может обнаруживаться бескомпромиссной категоричностью высказывания и поведения, которые якобы не учитывают мнения, интересы, цели и возможности (способности) окружающих людей. Задиристый человек может высказывать в оскорбительной форме мнения о тебе или о твоих близких, может говорить любые другие заведомо обидные для тебя суждения или такие, с какими ты заведомо не согласен, может быть грубым, может, «не замечая» тебя, оттолкнуть, встать впереди тебя в очередь и т. д., в общем, может говорить и делать то, что, по его мнению, вызовет твой активный протест. Внутреннее ощущение формируется из тех же компонентов, что и ощущения при остальных грехах: напряженность, зависимость, страх и прочее. Схематично: гордость — тщеславие (славолюбие) — жестокость — осуждение — злость, от которой поведение человека обращается либо к задиристости, либо к трусости. В окружающих ощущается душевно, как и всякий другой грех: даже если задиристость никак не проявляется, она вызывает желание досадить задиристу человеку, поставить его на место или уклониться от общения с ним, если не имеет место подобострастие или материальная заинтересованность в задиристом человеке. Задиристость может быть расценена как болезненное состояние души, как душевная болезнь. Но это можно сказать практически о каждом грехе. Телесное заболевание, имеющее задиристость своей прямой причиной, не выявлено. Противостоять задиристости удобнее всего скромностью, уважительностью, доброжелательностью. Само собой разумеется, что именно эти качества вызывают у задиристого наибольший протест. Обратной стороной задиристости может считаться податливость.

Задорность — желание, чтобы окружающие заметили, что ты не слабее и не хуже, чем они.

Заносчивость — желание занимать в чем-либо более высокое положение, чем есть в действительности. Ощущение заносчивости напоминает ощущение человека, желающего выпрыгнуть откуда-то, дотянуться до чего-то. Даже в походке может проявляться скачущими движениями, при которой человек постоянно движется вверх-вниз. Является причиной любых невротических состояний, но телесно проявляется по-разному, в зависимости от сопутствующего качества. Например, кардионевроз — заносчивость + жестокость. В поведении обнаруживается склонностью к рассуждениям на тему: чтобы я сделал, если бы занимал более высокий пост. Как составляющее качество, входит в структуру личности при любой психопатии. Часто сопровождается демонстрацией (нарочитой) своих высоких профессиональных способностей, своих обширных знаний и умений в любой другой области. С целью обнаружения своего превосходства, подчеркнута пренебрежительно заносчивый человек относится к признанным в своей области авторитетам. Поскольку претензии и самооценка не соответствуют реальным возможностям, сопровождается боязливостью, так же как тщеславие человекоугодием. Самомнение — причина

заносчивости. Заносчивые часто бывают «выскачками» и берут на себя непосильные дела, о чем впоследствии сожалеют из-за неудачности дел, но объясняют эту неудачность неблагоприятными обстоятельствами, или помехой со стороны других людей. Заносчивость часто, но не обязательно, сопровождается спорливостью и мечтательностью. Заносчивые часто вступают в спор, конфликты с руководством, но легко идут на попятную. Поскольку заносчивость претендует на непосильную деятельность, что ощущает и сам заносчивый, возникает нужда для укрепления самоуверенности и самонадеянности в так называемых навязчивых действиях: многократной проверке того, что наверняка сделано, в навязчивых сомнениях.

Заносчивости противостоят: скромность, исполнительность, ответственность, умеренность, постепенность.

Противостоять этому нужно, обратившись к скромности, самоуничтожению, признанию своего несовершенства, признанию своей худости, ее исповедованию и раскаянию. Также противостоянием застенчивости может рассматриваться позиция человека, который не считает, что он что-то знает, может, умеет, а только еще учится, ищет, пытается узнать.

Зложелательство — желание вреда, зла окружающим.

Злопамятность — желание не забывать о причиненных неприятностях или вреде, не утрачивать испытанное в связи с этим чувство злости.

Злословие — желание в беседе о каком-либо человеке изыскивать порочащие его жизнь побуждения или поступки.

Злость — желание разрушить то, что тебе не по нраву в окружающей действительности, а также в отношениях и делах других людей. Поскольку злость в чистом виде редко может вызвать сочувствие и содействие окружающих, то этот грех, чаще всего, скрываются злым человеком, но, в тоже время, проявления ее крайне разнообразны. Распознать ее легче всего по результатам тех действий, которые совершает человек, руководствуясь злобными побуждениями: это разрушение, повреждение жизни общества или окружающей среды, а также внесение разлада и конфликтов в человеческие отношения, разъединение людей. Христианское разделение людей на следующих Христу и отвергающих Христа, отличается от разделения, привносимого в жизнь человека злостью тем, что злость влечет за собой взаимные конфликты и ею заражаются все участники конфликта. Кроме того, состояние и действия, диктуемые злостью, всегда имеют целью достижение тех или иных временных, земных, материальных благ. Действия, продиктованные злостью, могут быть распознаны также как по настроению предлагающего их человека, так и по доступным предвидению их результатам, а также по средствам, с помощью которых эти цели могут быть достигнуты. Так, например, любые цели, имеющие средством своего достижения доведение до нищеты, беспомощности, унижения отдельных людей или целый народ, безусловно можно считать служащими злу.

Эмоциональное состояние человека, охваченного злостью, сходно с эмоциональным состоянием, вызываемым большинством других грехов. Злость обнаруживается любыми рассуждениями на тему «Так им и надо» или «Была бы моя воля, я б им показал.» Обращает на себя внимание, что рассуждения на указанные темы имеют целью не восстановление справедливости и радость по этому поводу, а причинение любых по объему и силе неприятностей. Окружающих злой человек обычно «заводит,» рискуя при этом тем, что раздражение и злость, воспринятые от него окружающими, обратятся на него самого. Злость достаточно активно участвует в формировании заболеваний печени, но не желчного пузыря, болезни которого вызывается вспыльчивостью и выдержкой. Обычным бытовым проявлением злости, рождающимся от нее качеством, является язвительность. Злость не является синонимом зла, ибо зло — понятие собирательное, а злость — конкретное отдельное отрицательное качество. Отвергаются злостью прежде всего такие качества, как доброта, сочувствие, отзывчивость, жалость. Обратной стороной злости и маскирующим качеством можно считать слащавость. Обычно для злости оправдываться тем, что все окружающие по справедливости не заслуживают иного отношения. Противостоять злости

можно теми качествами, которые ею отрицаются и памятью о том, чего, по справедливости, заслуживает злой человек.

Капризность — желание заставить окружающих следовать своим, даже самым незначительным, случайным прихотям. Близка обидчивости и жестокости.

Кичливость — желание любоваться своими заслугами, превозноситься ими перед окружающими.

Клеветничество — желание вызвать осуждение окружающими какого-либо человека сообщением заведомо ложных, порочащих сведений о нем.

Коварство — желание скрыть от окружающих свои цели, намерения, выставив напоказ не те цели, которые преследуешь.

Корыстолюбие — желание совершать только те поступки, которые приносят материальную выгоду, прибыль.

Кошунство — желание шутить постоянно, даже когда шутки (шутливость, шутовство) неуместны и не своевременны. По-славянски «кошун» — «шутник.»

Лень — желание не обременять плоть какими бы то ни было действиями, даже ведущими к приятному (упокоение плоти). В поведении может проявляться бездеятельностью, для которой человек подыскивает объективные причины («это никому не нужно,» «это никому не принесет пользы,» «а это дело нехорошее,» «а это дело непосильное,» «а для этого дела нет необходимых условий» и т. д.). Равным образом, лень может проявляться тем, что человек тяготеет необходимостью выполнять повседневные обязанности, раздражается, когда возникает необходимость сделать что-то сверх того, на что он уже согласился; хватается за любую возможность отложить, хотя бы на небольшое время, то дело, которое сам вынужден считать необходимым и от выполнения которого не может отказаться. Ленивый человек с удовольствием принимает помощь, при этом устраивая дело таким образом, что собственно дело за него делают другие, а он уклоняется от участия в нем. Очень часто люди, внутренне согласные с бездеятельностью (ленью) проявляют достаточно высокую активность (внешнюю), но любой выполняемый труд ими совершается с напряжением, с внутренним протестом, в результате чего они будут уставать быстрее, чем остальные. Иногда такой деятельностью люди скрывают собственную лень от самих себя, а не только от окружающих. Вся их активность в этом случае направлена не на то, чтобы сделать дело хорошо, а на то, чтобы отделаться от дела как можно скорее. В любом случае, их деятельность не имеет ничего общего с трудолюбием и несет с собой расхождение между желанием и поведением, т. е. порождает внутреннее противоречие. В повседневной жизни лень, равно как и празднолюбие, приводит к тому, что люди склонны поздно ложиться спать, т. к. вечернее время почти у всех закономерно свободно от дел и труда и ленивые стремятся возможно дольше продлить это время «законного» бездействия.

Лживость — желание исказить истину в мыслях, словах, в поступках. Может принимать форму не только искажения, но и пренебрежения и прямого отрицания истины (правды) — действительного, известного положения вещей. Отец лжи — сатана, поэтому всякий грех является формой лжи, ибо каждый грех приятен сатане и его вольным и невольным слугам. В повседневной жизни лживость, как отдельное от других грехов качество, проявляется сообщением другим людям заведомо несоответствующей действительности информации, клеветой, обещанием того, что и не собирается делать или давать лживый, опровержением или отрицанием правдивых сведений, желанием не верить доступной твоему пониманию правде (фактически отвергать ее). Лживый человек склонен скрывать свои действительные цели, намерения (даже тогда, когда они не вызовут противодействия окружающих) и уже по одному этому его можно распознать. В то же время лживый стремится узнать об окружающих как можно больше правдивых сведений, сам желает знать правду или сталкиваться с ней, т. к. исказить можно только ту правду, которая известна. Другими словами: поскольку ложь есть отрицание правды, как и всякое зло — отрицание добра, то солгать можно только о том, правда о чем тебе известна, и поэтому для своего существования зло нуждается в добре, ложь в правде и существовать без нее не может.

Именно этим объясняются, по-видимому, многолетние призывы советской власти к высоконравственному поведению с тем, чтобы иметь возможность воспрепятствовать хоть чему-то хорошему в людях, предварительно выявив его. Лживому человеку свойственно также объявлять ложью то, что его не устраивает, то, что лично ему мешает лгать или покрывать ложь других. Такие люди очень не любят прямо и ясно отвечать на конкретно поставленные вопросы, но вместо того, чтобы правдиво обозначить свое нежелание отвечать, лживый пускается в пространные отвлеченные рассуждения на тему заданного вопроса, пытаясь в многословии скрыть неспособность говорить правду. Для прикрытия своей лживости, лживый много говорит о своих добродетелях. Он может говорить и о добродетелях своих друзей и близких, тем самым давая понять, что сам не чужд их. А если и говорит о своей худости, то только в общих чертах, оспаривая обличения в каждом отдельно взятом грехе. Цель лживого человека, как правило, изначально своекорыстна, и ложь играет вспомогательную роль при удовлетворении того или иного греха. Точно также алкоголизация облегчает достижение женской благосклонности, но, по мере учащения выпивки, алкоголизм может стать самостоятельной страстью. С течением времени ложь делается самоцелью, не преследуя никакой конкретной материальной цели.

Лихоимание, лихоимство — желание воспользоваться чьим-либо бедственным или затруднительным положением для получения собственной выгоды.

Лицемерие — желание высказывать те мысли, которые наилучшим образом могут скрыть твоё действительное мнение об окружающем, отношении к нему.

Лукавство — желание обмануть людей.

Льстивость — желание своими словами вызвать приятные эмоции у окружающих (у собеседника), которые способствовали бы достижению твоих личных целей. Не путать с подобоострастием.

Любообщительность — желание искать общения с людьми, пользуясь для этого любым предлогом.

Любопытство — желание самому испытать то, о чем имеешь возможность получить (или даже получил) достоверную информацию.

Любоучительство — желание поучать окружающих, быть их наставником, советчиком хотя бы в самых незначительных вопросах.

Мечтательность — желание относиться к своим мыслям и образным представлениям, как к значащим большего и заслуживающим большего внимания, чем окружающая действительность. Внешне может проявляться как «задумчивость», как отсутствие склонности к коллективным развлечениям. У таких людей может отмечаться склонность к занятиям или развлечениям, оставляющим большой простор для фантазии, для додумывания: чтение стихов, слушание музыки, изучение различных философских и оккультных систем. Конкретные реальные планы и действия таких людей привлекают мало. Внутренне мечтательность, как правило, сопровождается представлением тех или иных образов, ситуаций, в которых мечтательный человек играет совершенно определенную роль. Именно представление себя в определенной роли и мысленное написание целых сценариев могут быть сутью мечтательности с одной стороны, а с другой стороны возможно представление себе ситуаций, в которых мечтатель не играет вообще никакой роли. Мечтательность, как говорят Святые отцы, это мостик, по которому в душу человека проходят множество грехов. Поэтому в зависимости от того греха или той страсти, к которой больше склоняется человек, меняется и характер его мыслей или образных представлений. Человек злобный может представлять сцены убийств, гибели людей и животных, природных катаклизмов, в которых он не является действующим лицом; а человек мстительный будет представлять себе расправу с действительными или вымышленными врагами; склонный к празднолюбию или развлечениям будет увеселять себя мысленными зрелищами; чревоугодливый — услаждаться представлением пирогов или размышлениями на кулинарную тему; склонный к унынию — (или к саможалению) — будет представлять себе безуспешность своих трудов, неудачность дел, свое поражение в любых вопросах. Таким образом, каждый мысленно услаждается той

страстью, которая лично для него привлекательна и приятна, а для другого может казаться отвратительной. Поскольку всякая страсть может равно удовлетворяться как исполнением того, на что она толкает человека, так и сожалением о невозможности служить страсти, мечты могут носить самый разнообразный характер; так, например, человек застенчивый может представлять себе восхищение своим поведением мысленных зрителей или восхищаться им сам, или представлять себе совершенно незаслуженное, (конечно, с его точки зрения), отсутствие восхищения со стороны окружающих. Но во всех трех случаях он беседует со своей страстью, этой беседе с бесами отдает и мысли, и желания, и время, и мысленно восполняет «недостаток» служения страсти в реальной жизни. Независимый может представлять себе свое поведение, при котором окружающая действительность (люди и обстоятельства) совершенно им пренебрегается или отторгается; может представлять себе ситуации, при которых, напротив, все и вся находится от него в полной зависимости; может представлять себе ситуации, в которых он успешно отражает посягательства на его независимость со стороны других людей. Понятно, что данное качество, также как и всякое другое, может сочетаться с еще каким-нибудь грехом, который примет участие в формировании мысленных представлений: независимость и жадность; независимость и тщеславие; независимость и чревоугодие; независимость и блудливость нарисуют в воображении мечтателя совершенно разные картины.

Мнительность — недоверие ко всему.

Многословие — желание произносить много больше слов, чем это необходимо для точного выражения мысли.

Мстительность — желание причинить вред тому, кто отнесся к тебе хуже, чем ты сам считаешь справедливым и правильным.

Мятежность — желание протестовать против существующего положения, порядка.

Навязчивость — желание заставить человека находиться в нашем обществе или поддерживать с нами желательную нам форму общения, несмотря на его протест.

Надменность — желание любоваться превосходством своего интеллекта.

Напыщенность — желание любоваться важностью, значимостью всего, тобою совершаемого.

Насмешливость (ирония) — желание представить смешными свойства, поступки, окружающие людей обстоятельства их жизни, даже если они не содержат ничего смешного сами по себе. Действие смеха на то, по поводу чего он возникает, можно сравнить с действием перевернутого бинокля на рассматриваемые предметы: они отдаляются и уменьшаются. Все, на что направлен смех, делается менее значимым и отношение к нему становится более легким. Смех — равно умаляет и добро и зло. Если посмеяться над чем-нибудь хорошим, то оно вроде перестает быть хорошим и трудиться ради его обретения не имеет большого смысла.

Настойчивость — желание добиваться выполнения своих намерений независимо от их правильности, уместности, своевременности, посильности для себя и приемлемости для окружающих.

Неблагодарность — желание не признавать, что кто-либо приносит нам благо по своей, а не по нашей воле, и не воздавать благодетелю должное своим отношением. Неблагодарность — это гордость (по мнению некоторых Святых отцов).

Небрежность — желание не предотвращать ущерб, вред, которые могут быть нанесены твоими словами, делами.

Неверие — желание отвергать любые, даже несомненно и очевидно правильные и правдивые мнения и обещания окружающих.

Недоверчивость — желание сомневаться в правдивости, честности, истинности любых мнений, высказываний окружающих.

Ненависть — желание отвергнуть и уничтожить то, что нас окружает, кроме того, что считаем приятным для себя лично. Порождается злостью, мятежностью, самолюбием; противоположно любви.

Нерадение — желание не искать возможности выполнить свое дело лучше, протрудившись сверх того, что предписано.

Неряшливость — желание не следить за содержанием в чистоте и самого себя, и того, что находится в твоём распоряжении.

Нетерпение — желание протестовать против действительности (мятежность). Как и всякий грех, который охватывает человека целиком, нетерпение не бывает замечаемо нетерпеливыми людьми. В то же время, в связи с естественной чуткостью человека к настроению окружающих людей, нетерпение воспринимается, ощущается всеми теми, кто сталкивается с нетерпеливыми и незаметно для них заставляет их относиться нетерпеливо к источнику нетерпения, чье настроение они ощущают, но воспринимают как свое собственное. Телесно нетерпение может ощущаться как невызываемое никакими физическими причинами («беспричинное») чувство тошноты; как боли в области затылка. Соматически одно из самых известных проявлений нетерпения — морская болезнь. В поведении человека нетерпение может проявляться в том, что он не замечает то, что ему нежелательно; того, что может привести к нежелательным последствиям; или того, что для него безразлично, но что попало в сферу его нетерпения. Точно также, как обидчивый находит на что обидеться, злой — на чем сорвать злость, нетерпеливый — что не потерпеть.

Нечувствие — желание не разделять чувств других людей, равно и в радости, и в горе.

Обидчивость — желание лучшего отношения к себе, чем то, которое человек наблюдает в окружающих. Разумеется, что человек обижается тогда, когда считает себя заслуживающим лучшего отношения, когда к нему относятся не так хорошо, как он сам считает справедливым и правильным. Во внешнем — может проявляться требованием по отношению к себе признания, уважения, высокой оценки, заботливости, предупредительности, и т. д. Это отношение может основываться как на оценке дел и заслуг, так и на оценке «высоких личных достоинств» обидчивого. В отношениях с людьми такой человек часто проявляет подозрительность, мнительность, опасливость. В зависимости от других качеств он может быть требовательным и конфликтным, а может быть тихим, «пришибленным.» Охотно поддерживает беседы о несправедливости, царящей в мире, о неблагодарности детей и знакомых, о низкой оплате труда; жалуется на непонимание людьми его сложной природы и на их неспособность оценить его высокие душевные качества. В быту придиричив, капризен. Своим поведением часто провоцирует людей на резкие и нелюбезные высказывания, на которые с готовностью обижается. При всем этом обидчивый ведет себя так, как будто быть обиженным его личное исключительное право и совсем не интересуется, могут ли быть обидными его слова или поступки для других людей. При достаточной выраженности этого качества, человек холит и лелеет возникшее чувство обиды, жалеет себя и этим услаждается и даже, если не желает зла обидчику, всячески уклоняется от прощения, не желая расставаться с причиной этого «сладкого» чувства.

Оговор — желание осудить, оговорить чьи-либо поступки без пользы как для оговаривающего, так и для оговариваемого, изыскивая в них (поступках) плохое. Носит характер осуждения поступков, но не грехов.

Опасливость — желание считать приносящим вред окружающее человека, а не гнездящиеся внутри него страсти. Опасливый человек либо изыскивает реальную опасность, либо измышляет ее, либо создает, по законам роста страсти, ситуации и отношения, действительно опасные для него, — и это невероятно только на первый взгляд.

Осуждение — желание осуждать (осудить) кого-либо, т. е. принять не подлежащее сомнению решение о безусловной и окончательной виновности осуждаемого. Противостоять осуждению лучше всего самоукорением, прощением и смирением.

Отчаяние — желание отвергать любую возможность обретения надежды, даже если она очевидна.

Памятозлобие (злопамятность) — желание не забывать о причиненном тебе «вреде,» о том, что было сделано не по-твоему.

Плотолюбие — желание отдавать все внимание и заботу плоти, преимущественно своей; совершать то, что приятно плоти.

Податливость — желание изменить свое отношение к окружающему и мнению о нем под давлением людей и обстоятельств, чтобы избавиться себя от трудностей противостояния внешнему.

Подозрительность — желание предполагать в поступках и высказываниях людей наличие злого, враждебного умысла.

Попустительство — желание не противостоять греховным устремлениям человека, на которого имеешь возможность или право оказать влияние.

Поспешность — желание принимать решения, высказывать суждения или совершать поступки прежде их всестороннего осмысления и получения объективного подтверждения их правильности; обычно основано на наших предположениях, подозрениях, мнениях.

Потакание — желание содействовать любому греховному устремлению другого человека.

Похотливость — желание немедленно использовать любую возможность для удовлетворения телесных потребностей, для услаждения телесных чувств; в более широком смысле — выполнение любых, не только плотских похотений. Противоположна кротости.

Празднолюбие — упоение плоти, отсутствие усилий, утруждения. Желание комфорта, резко возникающий страх в случае возможности неполучения этого комфорта, как физиологического, так и ситуационного (не выплусь, не хватит сил, не успею поесть, устану, обстановка не будет содействовать выбранному комфортному времяпрепровождению, поставленные задачи потребуют хлопот, перемещений). Страшно предполагаемое лишение праздности, лишение возможности расслабиться и использование для этого любой представляющейся возможности.

Празднословие — желание заводить и поддерживать разговор ради развлечения, без всякой цели и смысла.

Презрительность — желание относиться к окружающим как к заведомо неспособным ни на что хорошее и заслуживающим только унижения.

Пререкание — желание вести беседу так, чтобы твои высказывания преобладали над высказываниями собеседника, хотя бы количественно.

Привередливость — желание проявить свое недовольство качеством того, что сделано для нас другими людьми, стараясь изыскать недостатки реальные или мнимые.

Притворство — желание изобразить такое свое состояние, которое должно вызвать нужное тебе отношение и поведение окружающих.

Пугливость — желание считать могущим принести вред то, что тобою не предвидено, что происходит неожиданно.

Пьянство — желание изыскивать причины для возможно более частого употребления алкоголя. Порождается плотолубием.

Развращенность (любострастие) — желание, если страсти насыщены общепринятыми, обычными способами их удовлетворения, усладить их, возбуждая большим количеством или изощренностью удовольствий. Проявляется при полном согласии души с грехом.

Раздражительность — желание выразить свой протест против того, что тебе неприятно.

Распущенность — желание не контролировать свое поведение и не управлять им.

Рассеянность — желание не утруждать себя, удерживая на чем-либо свое внимание. Порождается многозаботливостью. «Профессорская рассеянность» — в действительности, результат полной отдачи внимания тому, чем человек увлечен.

Расточительность — желание расходовать (расточать) время и средства сверх потребного или необходимого для обнаружения перед людьми избыточности своих возможностей.

Расслабленность — состояние (ощущение), характеризующиеся физической слабостью (субъективным недостатком сил), отсутствием выраженных, заметных, ощутимых желаний или потребностей; необходимостью понуждать себя на то или иное дело действие; вялостью

мысли или отсутствием четко поставленной цели. Все это вместе осознается человеком и оценивается как расслабленность. Собственно, недостаток любых сил (душевных или физических) может быть следствием любого греха, но чаще всего к этому состоянию приводят желание плотского покоя и уныние. Увлекаемость, податливость и многозаботливость способствуют возникновению расслабленности. А целеустремленность, обязательность, послушание и трудолюбие — ее уменьшению. Поэтому всякие развлечения, особенно у детей, являются тем, от чего во взрослом состоянии (или в юношеском) человек будет испытывать недостаток сил в той сфере, которая подверглась развлечению (желательная, мыслительная или физическая силы). Всегда связана с желанием не утруждать душу (желательную, мыслительную или раздражительную ее часть; раздражительная сила умалется терпимостью) или тело. В отличие от развлечений (любых), игра предполагает правила, имеет конкретную материальную цель. Для участия в ней необходимо совершение последовательных, планируемых и зависящих от человека действий, качество которых учитывается по ходу игры или ее конце (проиграл — водишь, или лезешь под стол).

Ревность — желание безраздельно распоряжаться всем временем и всеми силами, душевными и телесными, другого человека.

Робость — желание считать все окружающее, людей и обстоятельства, вредоносными и относиться к ним, как к чему-то вредящему, угрожающему. Так же как опасливость, боязливость и пугливость робость порождается трусостью.

Ропотливость — желание высказывать недовольство окружающим, неприятным нам лично. Противится самоукорению. (Не смешивать с обличением и негодованием).

Самовозношение — желание считать себя выше и сильнее обычных человеческих слабостей. Чаще возникает после преодоления одного или несколько грехов, но не греховности. Сопровождается присвоением права не следовать общепринятым нормам поведения, чувством приподнятости.

Самодовольство — желание испытывать довольство собой и обращать внимание на способствующие этому совершаемые тобою дела.

Саможаление — желание обращать внимание на что-либо (обычно неприятное) в своей жизни, что дает основание жалеть себя (что более приятно).

Самозаботливость — желание изыскать основание для того, чтобы самому же заботиться о себе, даже когда в этом нет насущной необходимости. Исключает веру, надежду.

Самолюбие — желание считать, что нашего хорошего отношения, нашей любви достойны только мы сами. Уничтожает любовь, порождает ненависть.

Самомнение — желание самому, чаще всего достаточно лестно, оценивать себя, не обращая внимания на мнение окружающих и результаты своей жизни.

Самонадеянность — желание считать свои силы безусловно достаточными, а дела единственно правильными для достижения намеченной цели. Такая посылка автоматически заставляет относиться к не своим делам как к недолжным, несовершенным, нуждающимся в исправлении или переделывании. Внешне проявляется тем, что человек, даже испытывая затруднения в своей деятельности, не ищет помогающего (помощи), не просит о ней даже, если есть к кому за ней обратиться или впрямую от нее отказывается. Заявление самонадеянного «я сам» резко отличается от такого же заявления ребенка, который учится делать дела так, как его научили и показали. Самонадеянный человек при указании на недоброкачественность его дел или работы раздражается, унывает, а если это сильный человек, то предпочитает не исправить отмеченные недостатки, а безукоризненно совершить свою работу заново. Любая деятельность для самонадеянного человека может становиться самоцелью; при этом она оценивается не потому, к каким результатам она привела, к хорошим или плохим, а по факту выполнения намеченных дел.

Самонадеянность является грехом, необходимым для формирования таких болезней как маниакально-депрессивный психоз и эпилепсия (для маниакально-депрессивного психоза она, видимо, выступает в качестве самостоятельной и единственной болезнетворной причины). Последствия самонадеянности (безнадежия) обязательная причина легочных болезней, а

также туберкулезного поражения, как легких, так и любых других органов, в связи с тем, что самонадеянность может охватывать как весь организм так и его отдельные функциональные системы. Не будучи в состоянии выйти на качественно более высокую ступень в своих делах, самонадеянный склонен компенсировать это чисто внешним увеличением тех дел, которые ему доступны.

Противостоять самонадеянности можно надеждой, постепенностью, уверенностью и памятью о том, что трудиться мы обязаны, а успешность наших дел, их благополучное завершение даруются Богом, если мы трудимся, выполняя заповеди. В противном случае «успешность» греховных дел подбрасывается сатаной для погубления человеческой души ничтожными материальными подачками.

Самообольщение — желание предаваться помыслам, которые лестны, приятны твоей душе. «Блажасие вас лгут вам.»

Самооправдание — желание оправдать свои поступки, поведение, их побудительные причины в глазах окружающих и в своем собственном мнении. Внешне проявляется в том, что человек, страдающий самооправданием, причины своих поступков склонен изыскивать не в себе, а в любых окружающих его обстоятельствах, в поведении людей. Такой человек утверждает, что все совершаемые им недолжные поступки обусловлены своей общепринятостью, независящими от него внешними причинами или продиктованы «благими намерениями.»

Самоугодность — желание совершать самому и склонять окружающих к совершению удобных тебе поступков. Близко к своеволию и жестокости.

Самоуверенность — желание не сомневаться в правильности своих мыслей и считать их достаточными; демонстрировать их правильность и превосходство над мыслями и мнениями окружающих. Самоуверенность влечет за собой сомнение в правильности чьих бы то ни было слов или их прямое полное неприятие. Облегчается ироничностью, которая делает любые высказывания малозначащими (меньше значащими). Самоуверенность часто ведет к улыбочности не к месту, без внешних видимых причин, и которая обусловлена желанием умалить, облегчить, обесценить мысли, выраженные в словах других людей и превознести себя (приветливость всегда целенаправленна и облегчает другому человеку общение с тобой, имеет целью исключить из этого общения непосильное и неприятное; улыбочность при робости имеет заискивающий, подбострастный характер и имеет целью продемонстрировать, изобразить свое безусловное одобрение действий и слов окружающих и отсутствие намерений противодействовать).

Самоуслаждение — желание улаживать собственные телесные чувства или делами или постоянным представлением приятного тебе.

Самоуправство — желание пользоваться для удовлетворения наших похотений властью и средствами, предоставленными нам для выполнения наших обязанностей и пренебрегать управляющими нашими поступками законами.

Самолюбование — желание любоваться собой, своими действительными или мнительными достоинствами, способностями; внешностью или иными формами и проявлениями одаренности.

Своеволие — желание поступать по своей личной воле. При этом предполагается, что своя воля должна отличаться от воли других людей, должна быть на нее непохожей. В связи с этим, поскольку воля находит свое воплощение в словах и поступках человека, своевольный ищет возможность подчеркнуть, что он действует по своей воле, выбирая те формулировки и поступки, которые обнаруживают ее отличие от воли других людей. Так, например, ищут необычности поведения больные шизофренией, для формирования которой наличие своеволия является обязательным. В тех случаях, когда это качество не дошло до уровня страсти, своеволие проявляется в поисках оригинальных решений любого вопроса, и на следовании этим решениям своевольный человек настаивает даже в том случае, если они требуют больше усилий и времени и при этом приводят не к лучшему результату, чем общепринятые действия. В душе человека своеволие рождает ощущение собственной

необычности, отличности от других людей, подтверждения чему своевольный постоянно ищет и что со временем приводит к ощущению отделенности, отчужденности от других людей. Своеволие не так заметно, как жадность или осуждение, но с большей силой разрушает любовь: «Я не лучше других, я не имею превосходства над ними, но я не такой, как они, и у меня нет с ними ничего общего.» Схематично своеволие, очевидно, занимает на древе греха место среди качеств, которые можно объединить одним понятием «самости.» «Самость» объединяет грехи в себе, если так можно выразиться, третьего поколения, как-то: саможаление, самолюбование, самозаботливость, самоугодность, самооправдание и им подобные. Своеволие участвует как обязательный, но не единственный фактор формирования шизофрении, и может приводить к вычурности (необыкновенности) мимики, жестуляции, высказываний и поступков. Некоторое значение оно играет и в формировании бредовых представлений больного, что легко объяснимо: необычный человек естественно должен привлекать к себе внимание окружающих, а это внимание, само собой разумеется, должно принимать необычные формы. Таким образом, идеи величия или преследования являются результатом ощущения больным собственной необычности и желательны для него, поскольку позволяют, хотя бы мысленно, удовлетворять описываемому качеству.

Естественно противостоит своеволию — послушание и оно же им наиболее отвергается. К оправданию перед людьми своевольный прибегает крайне редко, а сам себе объясняет собственную необычность особой одаренностью, гениальностью. Обратной стороной своеволия, видимо, можно считать податливость, которая легче обнаруживается в тех случаях, когда предлагаемое другими людьми ординарное решение резко оттеняет необычность поведения своевольного человека в данной конкретной ситуации в его собственных глазах.

Своеволие часто сопровождается мучительными сомнениями, бездеятельностью в повседневной жизни, в обычных делах, которые слишком банальны, чтобы своевольный ими занимался. В связи с чувством отчужденности, которое испытывает своевольный и которое ощущается окружающими людьми и воспринимается ими как свое собственное отношение, своевольный обычно не имеет совсем, или имеет очень ограниченное количество людей, которых можно назвать близкими, поскольку люди отчуждаются от него, «отражая» его собственное настроение. При этом имеющиеся контакты с людьми чаще всего носят формальный характер и вызываются внешними потребностями. Единственно с кем легко (относительно) находит контакт своевольный — это подобострастные ему люди (с подобной, такой же страстью). Своевольный может вынужденно, подчиняясь обстоятельствам, следовать обычному ходу жизни, может подчиняться чьей-то воле, но внутренне никогда с этим не соглашается и как только представляется возможность, ведет себя «по-своему.»

Святотатство — желание похитить или осквернить святое, священное, предназначенное Богу. Порождается жестокостью, жадностью.

Сквернословие — желание произносить бранные (скверные) слова. Противодействует молитвословию.

Скупость — желание удержать при себе уже имеющиеся материальные ценности ради них самих. Внешне похожа на бережливость.

Славолюбие — желание прославления тебя людьми, не обязательно знающими тебя лично или находящимися рядом с тобой.

Смехотворство — желание постоянно склонять людей к смеху, изыскивая для этого повод и причину. Близко к терпимости, насмешливости. Делает жизнь эмоционально бедной, т. к. смех умаляет все то, на что направлен — с равным успехом и доброе и злое. Противодействует серьезности.

Спесивость — желание любоваться своим высоким происхождением.

Спорливость — желание настоять в беседе на своей правоте.

Строптивость — желание, чтобы тебя заставляли делать то, что для тебя же хорошо и полезно.

Сребролюбие — желание обладать деньгами. Дает иллюзию возможности обладания многими вещами и властью в материальном мире, даже при относительно малом количестве денег. Иллюзию, во-первых, потому, что человек может быть лишен всего в любое время помимо его согласия, а во-вторых, потому, что деньги в мечтах дают ощущение возможности приобретения гораздо большего богатства, чем то, что на них реально можно приобрести.

Суетливость — желание совершать то, на что не хватает времени, переходя к последующему делу прежде завершения предшествующего. Недалеко от торопливости, многозаботливости, рвения.

Трусость — желание избежать любых неприятностей любыми доступными, телесными или душевными, усилиями.

Тоска — желание сожалеть о том, что в настоящее время что-то не так, как было бы приятно, как ты считаешь правильным.

Тщеславие — желание человеческой похвалы, славы, всегда возможно только через привлечение к себе внимания людей. Вырождается в желание привлечь к себе внимание чем угодно, даже откровенно неприличным поведением, вульгарностью, крикливостью. Поскольку удовлетворить этой страсти могут люди, то неразрывно связана с человекоугодием. В зависимости от уровня одаренности и развития, тщеславятся яркой одеждой, украшениями, остроумием, интеллектом. Проявляется в постоянных попытках завладеть вниманием аудитории, в несвоевременных и неуместных высказываниях, в акцентуированной (преувеличенной) мимике и жестах, в интонациях и речи. Все поведение носит характер демонстративности, театральности. Тщеславные пытаются произвести впечатление более значащих и весомых людей (в знаниях, в имущественном положении, связях), чем это есть на самом деле. При этом, в зависимости от аудитории, могут менять свои взгляды и суждения достаточно легко, поскольку не обладают постоянством принципов, а приспособляются к окружающей среде.

Убийство — желание лишить жизни человека не только своими действиями (бездействием), ибо сказано, что всякий, гневающийся на брата своего — человекоубийца. Может быть с участием сознания или на одном желании.

Увлекаемость — желание безотлагательно отдать время и силы тому, что для тебя приятно, что тебя привлекает, то же — увлеченность.

Уклончивость — желание избежать выяснения людьми твоего ответа на поставленный ими вопрос, или твоего мнения, или твоего решения, или отношения к чему-либо.

Уныние — желание сожалеть о том, что не будет в жизни так, как именно тебе представляется правильным. Уныние не есть сожаление, а именно желание сожалеть и обнаруживается это тем, что человек отстаивает обоснованность своих сожалений и отвергает мнение тех, кто указывает на беспочвенность уныния, на незначительность причин его вызвавших (а точнее на незначительность того, чем пытается укрыться уныние). В поведении уныние может проявляться сонливостью по утрам, что объясняется не физиологической потребностью человека во сне, а его желанием не просыпаться и не включаться в ту жизнь, в которой, как он знает заранее, не будет того, что ему хочется или как ему хочется.

Упрямство — желание совершить то, что ты наметил, и тем способом, который тобою избран, вопреки мнениям и просьбам окружающих, несмотря на изменившиеся обстоятельства; желание настоять на своей правоте делами; желание не совершить поступков, к которым предрасполагают обстоятельства.

Фанатизм — желание принудить окружающих принять правильность твоего понимания духовных ценностей и следовать этому пониманию. Пример — атеизм. Но даже если ты заставляешь следовать тому, что является безусловным благом — Православию — это тоже фанатизм.

Фарисейство — совершение добрых дел напоказ, чтобы добиться похвалы.

Формализм — желание придать видимость (внешнюю форму), которая присуща делам, считающимися добрыми, не обращая внимание на побуждения. Близко к лицемерию. О формалистах сказано: «Образ благочестия имущие, силы же его отвергшиися.»

Ханжество — желание любоваться своими мнимыми высокими моральными качествами.

Хвастовство — желание обнаружить пред окружающими свои способности, дела, имущество, которые, по твоему предположению, могут вызвать их похвалу, восхищение. Более конкретно и материально, чем тщеславие, недалеко от задорности, задиристости.

Хитрость — желание не трудиться для достижения цели, а достигнуть ее, обходя трудности. Способствует коварству, лукавству; связано с ленью и презрительностью.

Хула — желание умалить чьи-либо действительные и несомненные достоинства.

Цинизм — желание бесстыдно любоваться собственным грехом.

Чванство — желание любоваться своим положением, заслугами.

Человеконадее — желание надеяться на получение от людей, а не от Бога через людей, того, что тебе представляется полезным.

Человекоугодие — желание угождать людям, чтобы, видя твою годность для них, они обращали бы на тебя свое внимание и способствовали достижению твоих целей.

Чопорность — желание любоваться своим благопристойным поведением, несмотря на предосудительные поступки окружающих и незаслуженно стесненные условия существования (реальные или мнимые).

Чревобесие — желание услаждать чрево большим количеством пищи независимо от ее вкуса и качества.

Чревоугодие — желание угождать собственному чреву. Может обнаруживаться как чревобесием, так и гортанобесием. Зависит не от расхода энергии, а от степени устремленности ко внешнему, материальному и в этом сходно с многословием.

Шумливость — желание производить избыточно много шума, звуков, избыточно много говорить. Связана с дерзостью, робостью, распушенностью.

Ярость — желание сокрушать беспредельно то, что тебе не по нраву. Преимущественно направлено на материальное и пользуется материальными же средствами. Высшая степень раздражения. От гнева отличается почти полной утратой рассудка.

Определения добродетельных качеств

Аккуратность — потребность человека содержать в чистоте, порядке и на их месте принадлежащие ему вещи и свое дело.

Бдительность — потребность быть постоянно готовым к появлению как внешних, так и внутренних врагов и к их отражению.

Бесстрастие — потребность не удерживать вниманием и желанием помыслы о том, что приятно для души и тела, не беседовать с ними мысленно, не соглашаться с ними и не искать возможности воплотить их. «Бесстрастие — отсечение страстных в сердце помыслов» (авва Евагрий).

Благоговение — потребность в уменьшении и утишении своих слов, поступков, потребностей не ради здоровья, выгоды, самоулучшения и проч., а ради своей худости, для предоставления места благу; воздержание от выражений своего мнения, отношения и своих чувств при соприкосновении с величием духовным и его воплощением. Может испытываться по отношению не только к Творцу и Его творению, но и к одаренности Им человека, воплощаемой в поведении или в плодах трудов, в том числе, в произведениях искусства. Впервые возникает зачастую неволью, но может сохраняться памятью и произволением, защищая человека от превращения великого в его жизни в обыденное посредством привычки.

Благодарность — потребность признать, что не ты причина того хорошего, что есть в тебе и вокруг тебя, и воздать за это благом; признание благости даров и готовность воздать

даровавшему благом или бескорыстной службой. «Кто во время искушений обретает чувство благодарности, тот отгоняет от себя находящиеся на него помыслы» (авва Даниил).

Благодушие — потребность считать, что все окружающее и происходящее либо является благом, либо сохраняет за человеком возможность трудиться ради благой цели, либо приводит к благим результатам не по человеческому произволению, а по Промыслу. Признание того, что благо всегда (во все времена и при всех обстоятельствах) преобладает в мире, и, одновременно, согласие не отлучаться от него душой. Не отрицает наличия зла в мире. «Благодушный — свободный от томящих забот, мирный в себе.»

Благородство — (родственность тому, что есть безусловное и непреходящее благо) — потребность служить высоким, благим (духовным) побуждениям, данным тебе, а не рабствовать своим низменным (плотским) влечениям.

Благость — потребность дать людям то, что для них полезно. Возможность дать людям то, чем располагаешь (содержишь в себе).

Благочестие — потребность за все воздавать почести Единому Источнику всякого блага.

Безмолвие — потребность уклоняться как от сообщений людям тех сведений, в которых они не нуждаются, так и от предоставления людям поводов и причин говорить о тебе. «Безмолвие есть не допытываться до того, что тебя не касается» (авва Исаия).

Безмятежность — потребность не предпринимать действий, не прилагать усилий, имеющих целью изменение окружающего, а трудиться ради внутреннего благоустройства даже во внешнем; не исключает труды по выполнению мирских обязанностей.

Беспечительность — потребность в отказе от заботы о внешних результатах своих дел и своих отношений с людьми. «Беспечительность — умертвие от всякого человека и от всяких дел».

Безропотность — потребность признавать, что окружающие нас обстоятельства и отношение к нам людей достаточно хороши и не могут быть причиной недовольства, ропота — по нашим грехам и по вере в Промысел Божий.

Бережливость — потребность расходовать силы, время, средства в материальном мире только на то, что полезно, и в количестве, не превышающем потребное.

Бескорыстие — потребность не искать личной, чаще материальной, выгоды, помогая просящим в их трудах или делая что-либо для людей по собственному почину и без их участия.

Вера (отсутствие сомнений) — потребность признания духовных реальностей и их главенствующего значения в жизни человека, и их единственного и Единого Источника.

Вежливость — потребность следовать общепринятым в данном обществе нормам поведения, не раздражая людей своими поступками и словами.

Верность — потребность не отказываться от принятых на себя обязательств, не отрекаться от исповедуемых тобою взглядов. Относится ко всему, кроме греха.

Внимательность — потребность воспринимать все окружающее или дело, которым занимаешься, без изъятия, не считая что-либо недостойным внимания.

Воздержание — потребность не употреблять для собственных телесных нужд (для «утешения») больше, чем необходимо, и во всяком случае, не столько, сколько хочется, даже если такая возможность имеется; удержание своих желаний. «Воздержание — удаление от греховных дел» (авва Евагрий).

Воодушевленность — потребность с душевным расположением делать то, что трудно, но хорошо. Отличать от увлеченности, тщеславия, самолюбования.

Грусть — потребность сожалеть об утрате или отсутствии в твоей жизни чего-либо хорошего, а не относится к этому безразлично. Отличать от основанных на похотях грехах — тоски, печали, уныния.

Дерзновение — потребность принять обетованное, основанное на выполнении заповеданного и на вере в Божию милость, а не в свои заслуги.

Доброжелательность — потребность сделать то, что для человека хорошо или избавить его от наличествующего зла. Не бывает с принуждением, против воли того человека, которому готов принести посильное добро.

Добродетель — потребность деятельно, а не на словах, выполнять заповеди, которые и есть, по сути своей, добро. Возможно при признании истинности и благотворности не одной, а всех заповедей. «Как мы поступаем с нашими добродетелями, так и Бог делает с нашими грехами» (преп. Марк Подвижник).

Добротолюбие — потребность сохранять в своих словах и поступках единение с тем, что понимаем как добро, в меру своего разумения.

Достоинство — потребность не умалять высокое назначение человека (служение добру) и его душевные дары (бессмертие, разумность, свободу) пристрастием и рабством ограниченному, временному.

Жалость — потребность разделить с человеком труд перенесения скорбей и страданий (душой или телом) и тем облегчить и уменьшить их. Отличать от потакания, попустительства страстям, т. к. они и есть причина и источник бед и скорбей.

Заботливость — потребность трудиться ради выполнения тобою должного, ради блага других людей. Близко к уважительности, услужливости; отличать от человекоугодия.

Злострадание — потребность, памятуя о своих грехах, произвольно лишать себя разрешенных и доступных удовольствий, утешений телесных и душевных (но не духовных). Подвижники Православия говорят, что тот, кто не несет произвольных злостраданий, подвергается нечаянным скорбям и лишениям.

Искушенность — потребность, проверенная и утвержденная опытом, противостоять даже неожиданным нападениям демонов. «Искушение случайная (неожиданная) скорбь» (преп. Марк Подвижник).

Исповедание — потребность признавать как свою личную так и общечеловеческую греховность, худость. Неукоризненное исповедание грехов — мужественное терпение их последствий. Противоположно вере в величие человека, разве только в утраченное. Необходимо для выполнения хотя бы первой заповеди: «Покайтесь!»

Исповедничество — потребность без сомнений и колебаний обнаруживать свою веру в Иисуса Христа и Его Евангелие в любых обстоятельствах, перед друзьями и врагами.

Исполнительность — потребность безотлагательно и безукоризненно выполнять порученное тебе дело, свои обязанности. Не смешивать (не примешивать) рвение, напористость.

Кротость — потребность не следовать собственным похотениям, укрощение их. «Переносить все — есть кротость» (авва Исаия).

Ласковость — потребность обнаружить свое доброе отношение к человеку доставлением ему телесного утешения (утишения). Не путать со льстивостью или с желанием склонить к плотским страстям тех, кто ими обладает.

Любовь — потребность принимать всех людей такими, какие они есть, с готовностью отдать для служения им все свои силы. Служить, искать полезного для людей можно словами, делами и молитвой. Последнее превосходнее, но и труднее всего прочего. «Не осуждать — есть любовь» (авва Исаия).

Любознательность — потребность признавать полезность, нужность для человека знаний, готовность трудиться ради их приобретения. Отличать от любопытства, надменности.

Любомудрие — а) потребность признавать большое значение для человека и для окружающих мудрости; предполагает не ее наличие, а труд ради нее; б) мудрость, основанная на любви.

Милосердие — потребность от всего сердца помиловать (избавить от заслуженного, справедливого обвинения и наказания, сделать милым себе) не только того, кто ради этого трудится, но и того, кто, признавая свою вину и слабость, просит о помиловании, не имея заслуг. Лишается смысла по отношению к тем, кто считает себя невинным и протестует

против скорбей и страданий (наказаний), возмущенно вопрошая «За что?!» От прощения отличается тем, что освобождает от обвинения, а не только от наказания.

Молитвословие — потребность постоянно обращаться, хотя бы мысленно, к молитве, предпочитая молитвенный помысел всякому другому размышлению, рассуждению.

Молчаливость — потребность говорить только тогда (и столько), когда (и сколько) это необходимо слушающему по его просьбе или для выполнения твоих обязанностей, но не похотений.

Мудрость — потребность рассуждать о предметах и явлениях физических и духовных беспристрастно. К мудрости ведет (по отцам): воздержание — страх Божий — вера — терпение — надежда — бесстрашие — любовь — познание — богословие.

Мужество — потребность принять на себя то, что является обязанностью мужчины, мужа не в бытовом, а в общечеловеческом смысле этого слова: защиту слабых и угнетенных, пропитание семьи и управление ею, выполнение наиболее тяжелого труда и ответственность за все перечисленное.

Надежда — потребность обращаться с ожиданием духовных и земных благ к Богу, как к первопричине всякого блага или к иным подателям блага (ангелы, святые), как к исполнителям Его благой воли. «Надежда воспринимается умом через самоотверженность» (преп. Марк Подвижник).

Надежность — потребность не сделать тщетной чью-либо надежду на нас, выполнить взятые на себя обязательства (кроме греховных).

Негодование — потребность безусловно, безотлагательно и несомненно признавать негодными любые планы, высказывания, поступки, имеющие грех целью или средством достижения цели. От гнева отличается направленностью не на человека, а на его мнения, высказывания, поведение.

Нищета — потребность считать, что все, видимо принадлежащее тебе (имущество, здоровье, способности), по сути не твое, а дано тебе во временное пользование, на время, и ты должен будешь отчитаться, как пользовался этим. «Нищета есть — незлобивое сердце» (авва Исаия).

Обличение — потребность предать гласности скрываемую человеком греховную причину его поведения, если это полезно ему самому, либо окружающим. Несовместимо с осуждением, сомнением, самооправданием. Направлено не против человека, а против его грехов или основанных на них поступках.

Общительность — потребность не отчуждаться от людей, разделять с ними их радости и их трудности.

Обязательность — потребность прилагать все силы для выполнения своих обязанностей, обусловленных положением, должностью или же взятых на себя произвольно.

Определенность — потребность поставить своим произволением пределы своим же намерениям, планам; четко определять свое мнение по любому вопросу. Противоположно увлеченности, близко целеустремленности. Не смешивать с ограниченностью.

Осторожность — потребность, в связи с естественной ограниченностью человека и неспособностью все предусмотреть, быть внимательным к окружающему, не исключая неожиданного и непредвиденного возникновения опасностей. Невозможно без терпения. Не путать с пугливостью и трусостью.

Осмотрительность — потребность, прежде выполнения своих дел, предварительно (мысленно или физически) осмотреться, выявляя благоприятствующие или препятствующие делу обстоятельства.

Откровенность — потребность открыто высказывать свое мнение без настояния на нем, даже если окружающие с ним не согласны. Не смешивать с задиристостью, задорностью, запальчивостью.

Отвага — потребность не считаться со значимостью (важностью) собственного здоровья, комфорта, со значимостью собственной личности ради служения Богу или людям ради Него.

Отважность — потребность совершить опасный для себя поступок. Основана она обычно на важности поступка (от — его — важности) для людей, а не на приятности для совершаемого.

Подчиняемость — (управляемость) — потребность выполнять во всем, кроме греха, волю тех, кто облечен большей мирской властью, чем твоя. Нет власти не от Бога, но Святые отцы считают, что не должно угождать людям более, чем Богу, а власть нечестивцев расценивают как наказание за грехи. Наказание же советуют отвращать покаянием, каюсь, в том числе, и в содружестве с нечестивцами.

Покорность — потребность принимать укоры как словесно — от людей, так и неудачами в делах, неблагоприятными обстоятельствами — от Бога. Отличать от робости отношением к укорам как к проявлениям заботы, любви и внимания, а не неприязни.

Последовательность — потребность совершать для достижения цели последующее не ранее предшествующего, а также не совершать того, что противоречит или противодействует твоим собственным намерениям. Последовательность внутренняя, душевная иногда влечет за собой внешнюю, видимую несогласованность поступков.

Послушание — потребность добровольно и сознательно выполнять заповеди как по отношению к Богу, так и к людям ради Бога. «Послушание — соблюдение заповедей» (авва Исаяя). По отношению ко греху возможны: соучастие, принуждение, обман, но не может быть послушания.

Постничество — потребность отказаться и вне установленных Церковью постов от употребления и совершения того, что запрещено Церковью на время постов.

Пост (телесный) — потребность ограничивать прием пищи во времени, количестве, качестве; воздерживаться от супружеской близости, долгого сна и любых других форм угождения плоти. Цель — научить плоть слушаться душу и служить ей.

Пост (душевный) — потребность воздерживаться от любых развлечений, посвящая все душевные силы угождению Богу. Назначение двояко: 1. Обнаружение недолжных устремлений, которые выявляются только тогда, когда им противостоишь. 2. Собственно противостояние грехам, приобретение опыта в этом, познание собственной слабости и могущества помощников и заступников.

Постепенность — потребность восходить к большему и лучшему «по ступеням,» не минуя меньшего и худшего, затрачивая на путь к совершенному время и труд.

Постоянство — потребность не ставить свои взгляды или намерения в зависимость от внешних обстоятельств, и отказываться от них, получив подтверждение их ошибочности. Ближе к верности, не путать с внешним «постоянством» — упрямством, самонадеянностью, педантизмом.

Почтительность — потребность оказывать человеку почет вне зависимости от состояния его личности и внешнего положения (имущественного, служебного и т. д.), основанная на том, что человек, пусть и изуродованный, но живой образ Божий, не достигший подобия.

Правдолюбие (правдивость) — потребность в отражении действительного положения вещей (правды) в мыслях, словах, поступках. Невозможно без терпения себя и, следовательно, без признания собственной худости.

Преданность — потребность не отчуждаться от тех дел, идей, людей, которым служишь ради Бога.

Предупредительность — потребность помочь человеку, если он нуждается в этом, прежде, чем тебя попросили об этом. Не смешивать с подобострастием, услужливостью.

Приветливость — потребность не обидеть, не оттолкнуть (приветить) обращающегося к тебе человека.

Прилежание — потребность выполнять те дела, которые непосредственно перед тобою (во времени и пространстве), а не изыскивать занятий более интересных в ущерб тому, чем тебе прилежит (предлежит) заниматься.

Простота — потребность как не приукрашивать свои мысли, чувства, так и сказанное другими об их мыслях и чувствах считать соответствующим действительности. «Простота — неискушенная доверчивость.»

Прямота — потребность говорить о своих мыслях, чувствах, намерениях без попыток приукрасить свою позицию или сделать ее более приятной для окружающих, а также отказываться от разговора, если не считаешь его полезным. Не путать с грубостью.

Раскаяние (изменение) — потребность изменить свое отношение к грехам, переходя от услаждения ими к сокрушению о них и противостоянию им.

Рассудительность — потребность совершать те или иные действия не по желанию, а после рассуждения о них, а также проверки их полезности, правильности судом ума.

Ревность — потребность не упускать ни малейшей возможности выполнять Заповеди. Ближе к решительности, не смешивать с напористостью, рвением.

Решительность — потребность следовать принятому решению.

Самовластие — потребность сохранять власть над своими же мыслями, желаниями, действиями. Противоположно распушенности, увлекаемости, плотолюбию.

Самоограничение — потребность трудиться ради ограничения, уменьшения своих притязаний на внешнее, ведущая к уменьшению зависимости от внешнего.

Самоотверженность — потребность отказываться от того, что полезно и удобно тебе, даже от собственной жизни ради пользы людей.

Самоукорение — 1) потребность искать в себе причину огорчительных внешних ситуаций и внутренних состояний, а также укорять себя за недолжные желания, мысли и поступки, даже если они известны только тебе или оправдываются людьми и не влекут за собою очевидных неприятных последствий; 2) признание того, что в твоих действиях, житейских неудачах и плохом отношении к тебе виновны не обстоятельства и люди, а только ты сам.

Самоуничижение — потребность признавать себя худшим других людей не по своим способностям и возможностям, а по тому, как ты ими пользуешься (по своим грехам). Зависит не от наличия грехов, а от признания своей греховности и готовности видеть грехи, а также от степени близости к Богу.

Серьезность — потребность признавать, что в жизни самые незначительные действия человека могут повлечь значительные последствия, и что кажущиеся ничтожными внешние обстоятельства могут оказать большое влияние на судьбу человека, и основанное на этом неприятие легкого отношения к жизни.

Скорбность — потребность нести труд переживания своих скорбей без поисков возможности уклониться от них или утешиться внешним.

Скромность — потребность не привлекать к себе внимание. Не путать с застенчивостью, робостью.

Смирение — потребность относиться мирно (с внутренним миром), без враждебности не только к обстоятельствам и людям приятным или не оказывающим на тебя влияния, но и к враждебным тебе. Отличать от терпимости, робости, потакания, попустительства. Обязывает человека использовать и душевные и телесные силы для защиты Родины, угнетаемых и обижаемых, для любых иных противодействий злу не по пристрастию, а по заповеди, сожалея о врагах, но не шадя зло. Можно и должно мириться с тем, что люди заблуждаются и в результате этого враждуют, но не должно мириться с заблуждениями; должно смиряться с людьми, которые как и мы сами, грешны, но не с их грехами.

Смиреномудрие — 1) потребность признавать единственно правильными рассуждения, основанные на смирении (мудрость, порождаемая смирением); 2) готовность смириться, основанная на мудрости и к мудрости же приводящая.

Соболезнование — потребность разделить с человеком его переживания по поводу телесной или душевной боли. Не смешивать с потаканием саможалению или иным страстям.

Собранность — потребность удерживать неразвлеченными все три силы души: желательную, мыслительную и раздражительную.

Совестливость — потребность не отвергать помыслы, свидетельствующие о худости твоих дел. Святые отцы считают, что если твоя совесть тебя не обличает в нарушении заповедей, то не должно доказывать людям свою невиновность (не в силу пренебрежения к людям, а по недопустимости самооправданий и доказательств).

Сосредоточенность — потребность неотвлеченно направить свое внимание на выполняемое дело, обдумываемый вопрос.

Сострадание — (страда — интенсивный, непрерывный труд) — потребность разделить с человеком труд (душевный и телесный) и перенесение житейских невзгод. Возможно (при согласии страдающего) отвратиться от причин страдания, от грехов (как и соболезнование, сочувствие).

Сочувствие — потребность разделить чувства (обычно тягостные душевно) другого человека, и тем ослабить их.

Справедливость — потребность получать или назначать воздаяние не по пристрастию или неприязни, не по планам, а по очевидным делам и их результатам. Отличать от справедливости как душевного свойства.

Старательность — потребность добросовестно затрачивать усилия (физические, внешние) для благополучного выполнения своего дела.

Стойкость — потребность не изменять своему (православному) мнению об окружающем и отношению к нему, даже если это ведет к скорбям, неприятностям; готовность отстаивать свое право придерживаться должного.

Строгость — потребность спрашивать выполнение своих обязанностей с тех, кто по службе или добровольно подчинен тебе.

Стыдливость — потребность не заглушать развлечениями или удовлетворением своих пристрастий ощущения нарушенной тобой справедливости.

Суровость — потребность обличать грехи тех людей, по отношению к которым ты имеешь на это право (подчиненные или просящие о помощи). Грехи обличать, но не осуждать самих людей. Не путать с фанатизмом.

Тактичность — потребность своим поведением и высказыванием не напоминать о том в жизни человека, чем он может быть огорчен; достигать поставленной цели не огорчая окружающих. Не путать с человекоугодием.

Терпение — потребность принимать реальность (себя, близких, окружающее) такой, какова она есть, беспристрастно выбирая свое поведение в данной реальности. «Долготерпение — есть не помышлять ничего против ближнего» (авва Исайя).

Тихость — потребность не привлекать к себе внимания многословием, громкостью речи, производимым тобою шумом.

Трудолюбие — потребность постоянно трудиться, быть занятым делом, а не пребывать в праздности; любовь к самому труду, а не к его результатам.

Тщательность — потребность неоднократно внимательно проверять правильность выполнения своих обязанностей для того, чтобы не допустить изъянов в своей работе.

Уважительность — потребность признавать важность, значимость как человеческой личности, так и ее роли в миру и влияния на окружающее независимо от ее настоящего состояния. Имеет основание в том, что человеческая личность создана по образу Божию и от Бога одарена силами и способностями, превосходящими силы остальных живых существ.

Умеренность — потребность свои личные планы и принимаемые на себя обязательства перед другими людьми соизмерять со своими возможностями, а свои потребности телесные удовлетворять мерою, соотнося с необходимым, а не с желаемым.

Усердие — потребность служить делу или человеку ради Бога, охотно отдавая служению все силы души и послушного ей тела, от «всего сердца.»

Уступчивость — потребность отдать, во избежание противоречий, свои права и возможности тому, кто тем или иным способом обнаруживает свою заинтересованность в них; в конечном счете — готовность отказаться от личных выгод и удобств в пользу другого человека. Не путать с податливостью.

Храбрость — потребность поставить себя в опасную ситуацию ради блага других людей.

Целеустремленность — потребность следовать определенной цели, которая признается главной, подчиняя ей всю свою деятельность, не упускать ее из виду.

Человеколюбие — потребность, не противопоставляя себя людям и не возносясь над ними, служить им во всем, в чем нет греха, и тем, в чем нет греха; признание единства даже с теми, кто противится нам, без принуждения их такому же, как у нас к ним, отношению к нам. «Человеколюбие — ко всем любовь и повиновение» (авва Исайя).

Честность — потребность своими мыслями, словами, делами не унижать высокой чести, которая оказана человеку: созданию его по образу и подобию Творца и дарованию возможности служить добру.

Чистоплотность — потребность поддерживать плоть в состоянии для нее неразрушительном и не раздражающем для окружающих.

Чуткость — при отсутствии безразличия, потребность замечать малейшие изменения эмоционального состояния окружающих.

Шаловливость — потребность поделиться с окружающими своим ощущением радости и веселья, обнаруживая их словами и поведением в то время, когда не занят делом; не должна мешать окружающим.

Щедрость — потребность отдать больше, чем у тебя просят, предвидя и предполагая, что просящему будет недостаточно просимого.

Целомудрие — потребность следовать беспристрастному свободному рассуждению (мудрости) ума о должном поведении (внешнем) и расположении (внутреннем); мудрость, присущая человеку в целом, всему его составу (душе и телу), без противоречий и разногласий между ними.

Болезни, здоровье и лечащие

Скорби и страдания, в том числе из-за болезней, посылаются человеку в трех случаях: для наказания, научения или награждения. Для чего болезни посланы в каждом конкретном случае, можно судить по душевному состоянию человека переносящего их: очевидно, что заставляет страдать и тяготит именно наказание, поэтому тяготящийся — наказывается; ищущий причины страданий и силы для их перенесения — научается; а тот, кто радуется тяготам временным, переносимым ради Бога и благ вечных, получает возможность заслужить награду достойным поведением.

Всякий грех является отрицательным качеством и называется так именно потому, что отрицает какую-либо добродетель. Но отрицание душой добра в любом его проявлении влечет за собой зло, которое по природе своей вредоносно, и привносимый злом вред в первую очередь ощущается душой. При наличии в душе любого греха, человек ощущает «отрицательные эмоции,» которые не являются качествами, зависящими от произволения человека: напряженность, зависимость, сомнения, смущение, стыд, страх, взбудораженность. В разных соотношениях, но все эти эмоции сопутствуют любому греху и вызывают ощущение неудобства, дискомфорта. Но выраженный дискомфорт — это боль; длящаяся боль — это болезнь; а завершением болезни может быть либо смерть, либо выздоровление в тех случаях, когда причина болезни устраняется. Следовательно, избавление от болезни доставляется деятельным раскаянием и обращением к добродетели, устраняющей приведший к болезни грех.

А всякая добродетель вызывает в душе ощущение спокойствия, собранности, радости, справедливости, свободы, ясности, уверенности и отводит человека от боли, болезни, смерти. Но отвести от смерти можно только к жизни, и, следовательно, всякая добродетель — животворна. Это равно относится ко всем добродетелям: верности, трудолюбию, скромности, храбрости... Но, как уже говорилось, ни одна добродетель невозможна без любви и поэтому именно любовь является источником жизни: Бог, Который животворит всю Вселенную, и

есть Любовь. Таким образом, делается доступным пониманию, почему обращение к Богу — это обращение к Источнику жизни, Который всегда готов принять приходящего, и почему обращение к Богу требует отвращения от грехов, очищения от них покаянием и либо избавляет от последствий греха, либо дает силы на перенесение этих последствий. Поскольку состояние тела зависит от состояния господствующей над ним души, то грех приводит не только к душевным, но и к телесным болезням и смерти. Поэтому вопросы нравственности неотделимы от вопросов жизни и смерти: нравственность берет свое начало в понятии о бессмертной личности, а структура личности, собственно личность, в свою очередь, формируется нравственностью и ею же личность приводится к вечной жизни: нравственность и бессмертие немислимы друг без друга.

Понятие о здоровье, о нормальном состоянии человека, может быть двояко, это либо отсутствие отклонений от идеального состояния, и тогда мы все — больны, даже если не ощущаем этого, либо отсутствие отклонений от показателей, которыми в большинстве случаев характеризуется деятельность человеческого организма. Но первое недоступно нашему наблюдению и оценке из-за отсутствия идеальных людей, а второе — недостоверно, с одной стороны, потому, что человек может чувствовать себя больным и тогда, когда наличие болезни не подтверждается никакими объективными средствами обследования, а с другой стороны — человек может чувствовать себя здоровым даже не будучи таковым, если для этого создаются особые внешние условия.

Поэтому представляется правильным считать, что человек здоров, если не ощущает сопротивления своей жизнедеятельности со стороны тела и души, а здоровье определить как состояние субъективно безболезненное, не тягостное и не требующее особых внешних условий. Не следует смешивать понятия «безболезности» и «безболезненности»: боль, хотя и нежелательна, необходима для тела, т. к. сигнализирует о наличии внешней, физической опасности, перегрузки или болезни, которые при отсутствии боли могли бы остаться незамеченными. Страх так же необходим, ибо он сигнализирует об опасности, но больше об опасности душевной, внутренней, а не внешней. Под внутренней опасностью подразумевается наличие какой-либо страсти в душе, ибо всякая страсть, будучи в конечном счете пагубной, является причиной возникновения ощущения страха. Так, например, причиной страха являются не возможное лишение имущества, не возникновение неприятностей, не худшее, чем хотелось бы отношение людей, не непредвиденные обстоятельства, а, соответственно, скупость, трусость, обидчивость и пугливость.

Святые отцы говорят, что чем человек грешит, тем (или оттого) он и страдает (страдает). Это общее положение, которое может воплощаться в общем страдании из-за лишения или недоступности объекта пристрастия, а так же в поражении отдельных органов или систем организма. При этом совершение греха делом не является обязательным условием для формирования психического или соматического заболевания, хотя думаясь согрешение мыслью неизбежно ведет к совершению греха делом, к его воплощению.

Вопрос о психических болезнях разрешается достаточно просто для любого человека, знакомого с учением Православной Церкви о страстях. Правда, требуется некоторый навык в различении страстей, но он приобретается достаточно быстро. Но навязанный врачам и постепенно сделавшийся для них привычным материализм заставляет их считать, что изменения характера — следствие болезни, в то время как в действительности изменение характера под влиянием страстей — причина болезни. Легко заметить, что у страдающих истерией в характере выражено тщеславие, а у невротиков — заносчивость. Тоска и уныние толкают к бродяжничеству (дромомании) не только отдельных людей, но даже целый народ, страсть которого звучит и неоспоримо заявляет о себе в его песнях. Хорошо известный эпилептический характер (злобность, раздражительность, самонадеянность, нетерпение, упрямство, угодливость, лъстивость) является причиной «священной болезни», а в характере страдающего шизофренией всегда обнаруживаются мечтательность, своеволие и самомнение. Но люди, объективно страдающие от недугов, не видят того, что заметно окружающим, или не хотят расстаться с калечащими их жизнь грехами так же, как не

признают свое пьянство или не желают расставаться с ним алкоголики. Многие из больных посещают храмы и каются, но упускают из вида те грехи, которые являются причиной их бед. А сколько ни кайся в жадности и чревоугодии, лень и мечтательность не уменьшится, если не противостанет человек именно им.

В еще более сложном положении соматические больные, у которых связь между страстью и страданием менее очевидна. И как бы хорошо страдающему бронхиальной астмой противостоять собственной напористости и обратиться к уступчивости, а страждущему заболеваниями щитовидной железы отбросить рвение и принять умеренность и постепенность.

Можно было бы назвать причины ишемической болезни сердца, облитерирующего эндартериита, язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки, гипертонической болезни и других. Но если патогенез некоторых заболеваний и их зависимость от наличия строго определенных страстей представляется достаточно понятным, то для целого ряда болезней проследить их не удалось. Остается только констатировать: при наличии тех или иных болезней имеют место строго определенные страсти. В последнем случае можно рассуждать о том, что всякая мысль, представление событий и ситуации и своего поведения в них, активизирует и приводит в состояние функциональной готовности строго определенные системы в организме человека. Можно считать, что у человека, постоянно обращающегося мысленно к объекту пристрастия, эти системы гипертрофируются или, напротив, истощаются; можно понять, почему причиной бронхиальной астмы является напористость, а облитерирующего эндартериита — боязливость, но почему и как опасливость приводит именно к язвенной болезни двенадцатиперстной кишки проследить не удастся, как не удастся понять, почему некоторые страсти обнаруживаются в мимике и жестике строго определенным образом. Эти предположения и наблюдения, какими бы сомнительными или соблазнительными они не представлялись, нуждаются в проверке, а пока заинтересованность в ней не проявлена никем. Да и сами больные более склонны платить любые деньги за «чудодейственные» лекарства и создать для себя щадящие внешние условия, чем признать собственное участие в формировании заболевания и трудиться для изменения внутреннего душевного состояния. Ведь к этому изменению можно придти через раскаяние, а для раскаяния необходимо признание собственной греховности, что крайне трудно для современного человека и вызывает его протест. Еще больший протест вызовет рассмотрение причин заболеваемости детей раннего возраста: ведь если причина болезни — грех, а сами дети еще безгрешны, то причины их болезней грехи родителей, которыми буквально пронизывается, пропитывается организм ребенка и до его появления на свет, и в последующем. И не зря сказано, что потомству за грехи родителей воздастся до третьего колена, и даже в повседневной жизни можно найти много примеров тому, что именно родители невольно являются главной причиной душевных и телесных страданий собственных детей.

Те же методы лечения, которые приняты в современной медицине, в подавляющем большинстве случаев устраняют не причины болезней, а ее проявления и безусловно могут приносить облегчение, но далеко не всегда — излечение. Впрочем, обращение за медицинской помощью ни в коем случае не может считаться предосудительным, однако нельзя ждать от этих обращений того, что медицина даст не в состоянии.

Об экстрасенсах и целителях можно было бы сказать то же самое, если бы их действия и идеология не напоминали бы так сильно обыкновенную магию, прикрытую наукообразными теориями. Если же учесть, что всякое зло может быть побеждено как добром, так и большим злом, то благотворность воздействия «целителей» мягко выражаясь, представляется весьма сомнительной. Количество «целителей» все возрастает, и ищущие лестных для человечества в целом и для себя лично мыслей, считают их предвестниками духовного возрождения и подъема человеческого духа к невиданным доньше высотам. Но, во-первых, в высказывании и поведении «целителей» духовность изыскать довольно трудно, если она вообще присуща им. Во-вторых, в Священном Писании прямо говорится, что в

последние времена люди будут обладать необыкновенными способностями; самым «способным,» кстати, будет Антихрист. В-третьих, все целители требуют веры лично себе, в себя или хотя бы в свои возможности: это и есть представители тех, которые придут «во имя свое,» и которым будут верить и уже верят погибающие. Так, может быть, задача «целителей» в том и состоит, чтобы люди обращались в верой и надеждой к ним, а не к Богу? Может быть, разница между ними и Антихристом только в том, что он попытается прельстить и избранных, а эти — соблазняют заурядных?

Во всяком случае, тенденция отвергнуть, исказить, дополнить, поправить или, хотя бы, не по-христиански объяснить христианство может считаться характерной чертой «целителей,» и этим они (хотя и любят продемонстрировать свои глубокие познания духовных законов и веру в своего особого бога) весьма близки атеистам. Что же касается духовности «целителей,» то, как и подавляющее большинство современных людей, они плохо видят разницу между душевным и духовным, если только вообще видят ее. Но каковы бы они ни были, их чуждость христианству не вызывает сомнений хотя бы уже потому, что, тщаь помогать людям, они пренебрегают церковными молитвами о болящих и Таинствами, и даже просто попытками обратить страждущих к Церкви. Апостол Павел советует нам: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием?» (2 Кор. 6:14). Под «неверными» имеются ввиду все те, кто не верен Иисусу Христу: это и последователи иных вероучений, и атеисты, и — «целители.» А если так, то всякий христианин, прибегающий к помощи последних, проигрывает ровно настолько, насколько вечное больше временного, насколько жизнь больше смерти.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)